

4242768

ВЛАДИМИРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 СЕНТЯБРЯ

№ 18.

1866 ГОДА.

Цѣна въ редакціи 4 р.
— съ достав. и пер. 5 р.

Выходятъ два раза въ
мѣсяць, 1 и 15 числь.

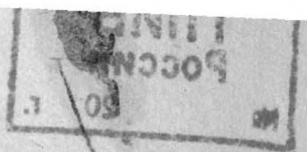
ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СООБЩЕНІЕ ОТЪ Г. ПРОКУРОРА МОСКОВСКОЙ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА КОНТОРЫ.

Изъ исполненію.

Городскіе и сельскіе священники нѣкоторыхъ епархій, препровождая по почтѣ деньги, причитающіяся Московской Сунодальной Типографіи за церковныя книги и листы, адресуютъ конверты на имя Сунодальной Конторы. Деньги же эти, какъ не принадлежащія Московской Святѣйшаго Сунода Конторѣ, по запискѣ по книгамъ ея въ приходѣ, а потомъ въ расходѣ, каждый разъ пересылаются ею, по принадлежности, въ контору Московской Сунодальной Типографіи, которая имѣетъ свою совершенно отдѣльную отчетность.

Для устраненія, на будущее время, происходящей отъ вышеизложеннаго бесполезной переписки, долгомъ считаю покорнѣйше просить Владимірскую Духовную Консисторію повѣстить всѣхъ городскихъ и сельскихъ священниковъ

вѣдомства означенной Консистеріи, чтобы всѣ деньги, причитающіяся за церковныя книги и листы, отсылались ими прямо въ Контору Московской Синодальной Типографіи, а не въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору.

Подлинное подписалъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы Прокуроръ Потемкинъ.

1866 года августа 18 дня во Владимірской Духовной Консистеріи заключено: Сообщение Г. Прокурора Московской Св. Синода Конторы объявить Духовенству по епархіи къ должному исполненію, чрезъ Епархіальныя Вѣдомости, съ подтвержденіемъ, чтобы всѣ деньги причитающіяся за церковныя книги и листы, въ устраненіе излишней переписки, отсылаемы были непременно прямо въ Контору Московской Синодальной Типографіи, а не въ Московскую Св. Синода Контору.

Отношеніе Его Высокопреосвященства Архіепископа Камчатскаго къ Его Преосвященству Епископу Теофану отъ 13 сентября 1865 года.

Число церквей и приходовъ въ Пріамурскомъ краѣ въ настоящее время простирается уже до 26; и кромѣ того, обстоятельства края настоятельно требуютъ устроить, и какъ можно скорѣе, еще по крайней мѣрѣ до 10 церквей; а между тѣмъ средства наши недостаточны лишь только на обзаведеніе необходимѣйшею утварію.

И потому не благоугодно ли будетъ Вашему Преосвященству оказать нашимъ церквамъ милость—дозволеніемъ настоятелямъ и старостамъ градскихъ церквей, а также и монастырямъ удѣлить отъ избытковъ своихъ что либо изъ священныхъ одеждъ и облаченій; самая малоцѣнная, и даже вышедшая изъ употребленія вещь для нашихъ церквей въ настоящее время будетъ и цѣнна и пригодна, лишь бы только стоила провозу.

И если Вашему Преосвященству будетъ благоугодно явить таковую милость, то не благоугодно ли будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ приказать—жертвуемая отъ церквей и монастырей вещи передавать Протоіерею Гавріилу *Веніаминову*—подателю сего письма,—и о послѣдующемъ почитать меня Вашимъ увѣдомленіемъ.

1866 года іюля 29 дня во Владимірской Духовной Консistorіи заключено: Съ прописаніемъ отношенія Его Высокопреосвященства Иннокентія Архіепископа Камчатскаго, настоятелей и настоятельница монастырей, протоіереевъ соборовъ, градскихъ благочинныхъ и вообще настоятелей церквей, достаточно снабженныхъ церковною утварью, пригласить къ пожертвованіямъ таковою утварью въ пользу амурскихъ церквей съ тѣмъ, чтобы они жертвуемая вещи отсылали прямо отъ себя въ г. Благовѣщенскъ на имя Его Высокопреосвященства Архіепископа Иннокентія, донося и Владимірской Духовной Консistorіи о пожертвованныхъ вещахъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Благочинный г. Переславля Преображенскаго Собора Протоіерей Николай *Доброхотовъ*, съ подвѣдомственными ему причтами и старостами церковными, вслѣдствіе приглашенія епархіальнаго начальства, вполне сочувствуя нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній, изъявили полную готовность, къ концу настоящаго года, свѣчной прибыли представить не только назначенную Комитетомъ сумму, но даже вдвое больше, именно: отъ Собора 50 р. и отъ церквей его вѣдомства, вмѣсто 145 р.—357 р. 50 к., а всего 407 р. 50 к. Почему Епархіальное Начальство за таковое живое сочувствіе къ нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній, означенному Благочинному *Доброхотову* и подвѣдомственному ему духовенству съ церковными старостами, объявляетъ полную благодарность.

Благочинный гороховскаго уѣзда села Оминки Священникъ Онисимъ *Обтеперанскій* съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ и старостами церковными, вслѣдствіе приглашенія Епархіальнаго Начальства о возвышеніи свѣчной прибыли до той цыфры, какая назначена комитетомъ, при всѣхъ своихъ крайнихъ церковныхъ нуждахъ и весьма ограниченной продажѣ свѣчь, сочувствуя нуждамъ Духовно-учебныхъ заведеній, изъявили готовность, на первый разъ, сдѣлать взносъ прибыли вмѣсто назначенныхъ Комитетомъ 538 р.,—430 р. 50 к. меньше на 108 р. 50 к., обязуясь впредь означенный недостатокъ восполнить на будущее время, почему Епархіальное Начальство и за это сочувствіе къ нуждамъ Духовно-учебныхъ заведеній, какое высказали при настоящемъ случаѣ вышеозначенные лица, Благочинному *Обтеперанскому* съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ и церковными старостами, изъявляетъ благодарность въ той впрочемъ увѣренности, что они въ будущемъ изыщутъ средства возвысить отъ своихъ церквей взносъ на содержаніе Семинаріи и училищъ до той цыфры, какая указана въ сдѣланномъ Комитетомъ росписаніи.

ИЗВѢСТІЯ.

Указомъ Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдіи, отъ 17 минувшаго Августа за № 4621-мъ, Секретарь Владимірской Духовной Консistorіи, Коллежскій Ассессоръ Александръ *Александровскій* произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ чинъ Надворнаго Совѣтника, со старшинствомъ, съ 14 Января 1866 года.

Награжденъ набедренникомъ:

Священникъ села Ильинскаго Строиловыхъ юрьевскаго уѣзда, Алексѣй *Постниковъ*.

Владимірскаго уѣзда села Борисовскаго діакону Аѳанасію *Похвалынскому* за усердное обученіе крестьянскихъ мальчиковъ выдано въ награду отъ Владимірской Палаты Государственныхъ Имуществъ 35 рублей.

Опредѣлены на мѣста:

Священническое:

Діаконъ Владимірскаго Дмитріевскаго собора Евѳимъ *Розановъ*, въ село Стригино, муромскаго уѣзда.

Діаконское:

Дьячекъ села Ивановскаго Холуденева Александровскаго уѣзда, Алексѣй *Милозоровъ*.

Причетническія:

Бывшій ученикъ Владимірскаго Духовнаго Училища Иванъ *Грамматинъ*, въ село Погребищи, владимірскаго уѣзда.

Бывшій ученикъ Муромскаго Духовнаго Училища Ѳеодоръ *Борисолѣбскій*, въ село Яковцево, муромскаго уѣзда.

Лукіановой Пустыни Монахъ *Гавріиль* перемѣщенъ въ Московскій Ставропигіальный Новоспасскій монастырь въ число братства 10 августа.

Въ селѣ Казневѣ меленковскаго уѣзда, 23 іюля въ 5 часовъ пополудни отъ громоваго удара сдѣлано значительное поврежденіе на колокольнѣ, а именно: колокольный шпиль и правый уголъ колокольни верхняго яруса раздроблены на части, столбъ у противоположнаго угла колокольни расколотъ, бревно въ стѣнѣ церковной трапезы расколото въ мелкія части, и въ самой церкви разбито 16 стеколъ, при чемъ убитъ въ церкви рабочій—Тамбовской губерніи Елатомскаго уѣзда села Гридина крестьянинъ Петръ *Семеновъ*, который занимался штукатуркою церкви.

Въ селѣ Жуковицахъ, ковровскаго уѣзда, освященъ придѣльный храмъ при церкви въ честь Святителя и Чудотворца Николая; 31 іюля.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

КНИЖКИ, ИЗДАННЫЯ РЕДАКЦІЕЮ ЖУРНАЛОВЪ. «ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ» и «МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ» ДЛЯ СОСТАВА ПОЛКОВЫХЪ БИБЛИОТЕКЪ и ДЛЯ РУКОВОДСТВА и ЧТЕНІЯ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ и ПОЛКОВЫХЪ ШКОЛАХЪ.

При изданіи брошюръ и руководствъ, Редакція постановила себѣ правиломъ, каждыя послѣдующіе выпуски по возможности улучшать дополненіями, и дѣлать въ каждомъ новомъ изданіи необходимыя измѣненія для болѣе яснаго, популярнаго изложенія объясняемаго предмета.

(Окончаніе).

15. Сказаніе о Смоленской чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы. Съ приложеніемъ хромолитогр. снимка съ Смоленской чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. цѣна 7 к. с.

16. Сказаніе о Новгородской чудотворной иконѣ Знаменія Пресвятой Богородицы. Съ прилож. хромолитогр. снимка съ иконы; цѣна 7 к. с.

17. О Святой чудотворной Владимірской иконѣ Божіей Матери. Съ приложеніемъ хромолитографированнаго изображенія чудотворной иконы Божіей Матери; цѣна 7 к. с.

18. Сказаніе о Нерукотворенномъ образѣ Христа Спасителя. Съ приложеніемъ хромолитогр. изображенія Нерукотвореннаго образа. Изд. 1865 г.; цѣна 7 к. с.

19. Икона Господа Вседержителя, и краткое изложеніе о святыхъ иконахъ и священныхъ изображеніяхъ Христа Спасителя. Изд. 1865 г.; цѣна 7 к. с.

20. Икона Святыя Троицы. Съ приложеніемъ хромолитогр. снимка съ св. иконы. Изд. 1865 г.; цѣна 7 к.

Притчи Христовы:

21. Выпускъ 1-й: Притча о должникѣ немилосердомъ. — О милосердомъ Самарянинѣ. — О безразсудномъ богачѣ; съ 3 рисунками; цѣна 5 к.
22. Выпускъ 2-й: Притча о мытарѣ и фарисеѣ. — О талантахъ. — О десяти дѣвахъ; съ 3 рисунками; цѣна 5 к.
23. Выпускъ 3-й: Притча о сѣятелѣ. — О злыхъ виноградаряхъ. — О блудномъ сынѣ; съ 3 рисунками; цѣна 5 к.
24. Выпускъ 4-й: Притча о богатомъ и Лазарѣ. — О сѣмiani и плевелахъ. — О безплодной смоковницѣ; съ 3 рисунками; цѣна 5 к.
25. Выпускъ 5-й: Притча о благоразумномъ и безразсудномъ человѣкѣ. — О постройкѣ зданія. — О пастырѣ и о наемникѣ. — О бракѣ сына царева; съ 2 рис. Изд. 1864 г.; цѣна 5 к.
26. Выпускъ 6-й: Притча о дѣлателяхъ въ виноградникѣ. — О домоправителѣ. — О рабѣ, пришедшемъ съ поля. Съ 3 рисунками. Изд. 1864 г.; цѣна 5 к.
27. Выпускъ 7-й: Притча о званыхъ на большой ужинъ; притча о добромъ пастырѣ и о наемникѣ; притча о судѣ неправедномъ. Изд. 1865 г.; цѣна 5 к.
28. Объясненіе божественной литургіи. Изд. 2-е, дополненное; цѣна 25 к. с.
29. Объясненіе всенощнаго бдѣнія. Изд. 2-е, 1864 г.; цѣна 7 к. с.
30. О таинствѣ святаго крещенія. Изд. 1864 г.; цѣна 5 к.
31. О таинствѣ Причащенія или Евхаристіи. Изд. 3-е, цѣна 5 к. с.
32. О таинствѣ брака. Изд. 2-е, 1864 г.; цѣна 5 к. с.
33. О присягѣ. Изд. 2-е, 1866 г.; цѣна 5 к. с.
34. О пути къ вѣчному блаженству. Изд. 1865 г.; ц. 5 к.
35. Главнѣйшіе праздники Православной церкви. Изд. 2-е, 1865 г.; цѣна 25 к. с.
36. Житіе святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Съ приложеніемъ хромофотогр. изображ. святаго князя; ц. 10 к. с.
37. Житіе Святителя Христова Николая, Мирликійскаго

Чудотворца. Съ приложеніемъ хромолитографированнаго снимка съ иконы Святителя, цѣна 10 к. с.

38. Житіе святителя Филиппа, митрополита Московскаго. Съ приложеніемъ хромолитогр. изображенія Святителя, цѣна 10 к.

39. Святые благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ. Съ приложеніемъ хромолит. изображенія святыхъ князей, цѣна 7 к. с.

40. Житіе святаго Алексія-человѣка Божія. Съ приложеніемъ хромолитограф. изображенія святаго Алексія, цѣна 7 к.

41. Житіе святителя Тихона, Епископа Воронежскаго и нѣкоторыя изъ главныхъ его наставленій (съ приложеніемъ изображенія угодника Божія), цѣна 15 к. с.

42. Житіе Преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца. Съ изображеніемъ Преподобнаго, цѣна 10 к. с.

43. Житіе преподобнаго Максима-Грека. Съ приложеніемъ хромолит. изображенія преподобнаго. Изд. 1865 г.; цѣна 7 к.

44. Житіе св. Петра и Алексія митрополитовъ Московскихъ. Съ прилож. хромолит. изображеній св. Угодниковъ. Изд. 1865 г.; цѣна 7 к. с.

45. Житіе св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей Славянъ. Съ прилож. хромолит. изображ. Святителей, 1866 г.; ц. 7 к.

46. Св. Антоній и Ѳеодосій, Печерскіе чудотворцы, съ прил. хромолитогр. изображ. св. Угодниковъ, 1866 г.; ц. 7 к.

47. О святыхъ мѣстахъ Палестины (Іерусалимъ), съ 13 рисунками). Изд. 2-е, цѣна 15 к. с.

48. Москва Бѣлокаменная и ея достопримѣчательности (съ рисункомъ). Изд. 1865 г.; цѣна 10 к. с.

49. Исакиевскій соборъ, (съ рисункомъ), цѣна 10 к.

50. Христіанскій подвигъ солдата. Изд. 2-е, цѣна 10 к.

51. Назидательное чтеніе. Сборникъ изъ семнадцати духовно-нравственныхъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, цѣна 35 к.

52. О землѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Краткая математическая географія (съ 12-ю рисунками и чертежами). Изд. 3-е, исправленное и дополненное, 1865 г.; цѣна 15 к. с.

53. О природѣ и ея явленіяхъ; разсказы о землѣ, водѣ и воздухѣ (краткая физическая географія), съ хромолитографированною картою 2-хъ земныхъ полушарій и съ 4 рисунками. Изд. 3-е, дополненное, 1865 г.; цѣна 20 к. сер.

54. Карта Европейской Россіи. Изд. 3-е, 1865 г.; цѣна 1 р., за пересылку 25 к., а всего 1 р. 25 к. сер.

55. Краткая Русская исторія. Выпускъ первый: (*отъ основанія Руси до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ*), съ 14-ю рисунками, исполненными лучшими художниками, цѣна 30 к. с.

56. Краткая Русская исторія. Выпускъ второй: (*отъ вступленія на престолъ Дома Романовыхъ до настоящаго времени*), съ 19-ю рисунк., и портретами Императоровъ: Петра I, Елисаветы I, Екатерины II, Александра I, Павла I, Николая I и Александра II, цѣна 30 к. с.

57. Царь Петръ Великій (историч. рассказъ) съ 6 рисунками. Изд. 1865 года; цѣна 30 к.

Разказы странствователя по замѣчательнымъ мѣстамъ Россіи:

58. Сѣверный край (съ рисункомъ), цѣна 10 к.

59. Странствователь по Финляндіи (съ 3 рисун.) ц. 15 к.

60. Странствователь по Прибалтійскому краю. С.-Петербургская губернія (съ 13 рисунками) цѣна 25 к. с.

61. Московская и Тульская губерніи (съ 4 рис.) ц. 10 к.

62. Воронежская губернія, и краткое описаніе житія св. Митрофана и Тихона (съ 4 рисунками) цѣна 15 к. с.

63. Воспоминаніе о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма (съ 9 рисунками). Изд. 2-е, цѣна 15 к. с.

64. Очерки Малороссіи. Изд. 1865 г., цѣна 15 к. с.

65. Графъ Суворовъ Рымникскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Съ 6 рисунками, цѣна 25 к.

66. Князь Потемкинъ Таврическій. Съ 3 рисунками. Изд. 1864 г. цѣна 20 к. с.

67. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Съ 3 рисунками. Изд. 1864 г. цѣна 20 к. с.

Знакомятъ читателей съ жизнью, подвигами и замѣчательною государственною дѣятельностью князей Потемкина и Меншикова, знаменитыхъ сподвижниковъ Императора Петра I и Екатерины Великой.

68. Полтавская битва. Историческій рассказъ. Съ рисункомъ. Изд. 2-е, 1865 г. цѣна 7 к. с.

69. Бородинская битва. Историческій разсказъ; съ рисункомъ, Изд. 1865 г. цѣна 7 к.

70. Сборникъ историческихъ повѣстей и разсказовъ. Выпускъ 1—й. Соколиная охота.—Канунъ Нового года.—Избавитель.—Авдотья Стрѣшнева.—Степанъ Барыковъ. Съ 3 рис. ц. 35 к. с.

71. Два разсказа: 1) Добровольное признаніе.—2) Гдѣ тишь да гладь, тамъ и Божья благодать. Изд. 3—е. 1865 г. цѣна 10 к. с.

72. Емельнѣ, —разсказъ изъ временъ Петра Великаго ц. 20 к. с.

73. Князь Владиміръ Равноапостольный. Историческій разсказъ. Съ рисункомъ цѣна 20 к. с.

74. Русскіе въ тяжелую годину 1812 года. Историческій разсказъ; съ рисункомъ. Изд. 1865 г. цѣна 10 к.

75. Сборникъ стихотвореній извѣстныхъ русскихъ писателей цѣна 40 к. с.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены слѣдующія стихотворенія: Пѣня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. *М. Лермантовъ*.—Утопленникъ. *А. Пушкинъ*.—Пряха. *И. Никитинъ*.—Ссора. *И. Никитинъ*.—Жена ямщика *И. Никитинъ*.—Упрямый отецъ. *И. Никитинъ*.—Бурлакъ. *И. Никитинъ*.—Цыганскій тоборъ. *А. Пушкинъ*.—Женихъ. *А. Пушкинъ*.—Знахарь. *И. Никитинъ*.—Сказка о рыбацкѣ, и рыбацкѣ. *А. Пушкинъ*.—Дѣдовы козы. *Г. Данилевскій*.—Крестьянинъ въ бѣдѣ *И. Крыловъ*.—Пастухъ. *И. Крыловъ*.—Лжець. *И. Крыловъ*.—Откупщикъ и сапожникъ. *И. Крыловъ*.—Демьянова уха, *И. Крыловъ*.—Два Мужика, *И. Крыловъ*.—Трудолюбивый медвѣдь *И. Крыловъ*.—Гусарь. *А. Пушкинъ*.—Саперъ *А. Афанасьевъ*.—Бородино.—*М. Лермантовъ*.—Избавитель. *Л. Мей*.—Хвала Творцу. *Самсонъ Н. Языковъ*.—Грѣшница *А. Полежаевъ*.—Артемій Веркольскій.—Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ. *Гр. А. Толстой*.

76. Не извѣдавъ горя, не узнаешь счастья (повѣсть); Изд. 2-е 1864 г. цѣна 20 к. с.

77. Чему быть, того не миновать. Комедія въ 2 дѣйствіяхъ: Изд. 2-е, цѣна 10 к. с.

78. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ: цѣна 10 к. с.

79. Нежданный гость съ того свѣта. Комедія въ 2 дѣйствіяхъ (для солдатскихъ театровъ). Изд. 2-е цѣна 15 к.

80. Полѣсовщикъ. (сцены для представленія на бивуакахъ):
цѣна 7 к. с.

81. Повѣрье о старцѣ, бѣсѣ и водкѣ. (съ 4-ми рисунками
Изд. 1864 г. цѣна 5 к. сер.

82. Бесѣда о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, вышед-
шихъ изъ крепостной зависимости цѣна 5 к. с.

Въ этой бесѣдѣ излагается.

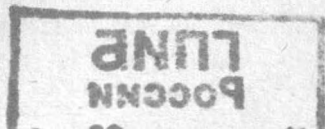
О Манифестѣ 19 февраля 1861 года.—Крѣпостные до Манифеста.—
Постепенное ограниченіе власти помѣщиковъ.—Заботы и твердое намѣре-
ніе Государя уничтожить крѣпостное право.—Труды комитета по крестьян-
скому дѣлу.—Права, дарованныя бывшимъ крѣпостнымъ.—О мировыхъ
посредникахъ.—Обязанности крестьянъ въ отношеніи правительства и по-
мѣщиковъ.—Учрежденіе волостей.—Волостное управленіе.—О волостныхъ
сходахъ.—О волостныхъ старшинахъ.—О волостномъ крестьянскомъ судѣ.—
Дѣйствія крестьянъ по учрежденіи волостей.—Надзоръ помѣщика за сель-
скими обществами.—Важное значеніе мировыхъ посредниковъ.—Объ устав-
ной грамотѣ.—О правѣ крестьянъ замѣнить работу денежнымъ оброкомъ
Возможность выкупа земли крестьянамъ, состоящимъ на оброкѣ.—Особое
положеніе для дворовыхъ людей.—Права дарованныя дворовымъ людямъ.—
Обязательныя отношенія дворовыхъ людей къ владѣльцамъ.—Льготы дво-
ровымъ людямъ по истеченіи двухъ-годичнаго срока.

83. Свѣдѣнія о лошади. (съ рисункомъ на большомъ листѣ)
Одобрено для употребленія въ войскахъ гвардіи; цѣна 30 к. с.

84. Способъ американца Рери, какъ укрощать озлоблен-
ныхъ лошадей, (съ 7 рисунками) цѣна 30 к. с.

Желающіе могутъ получить народный журналъ «Мірской
Вѣстникъ»—годовой экземпляръ въ 12-ти книжкахъ съ 30—ю
до 40 рисунками и съ шестью изображеніями св. Иконъ, за
1863—й, 1864—й и 1865—й года по 3 рубля, за каждый годо-
вой экземпляръ, съ доставкою какъ иногороднымъ, такъ и город-
скимъ подписчикамъ.

Подписка на журналъ: «Мірской Вѣстникъ» принимается также и въ
Газетныхъ экспедиціяхъ С.—Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ,
равно какъ и во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ, гдѣ допущена подписка на
журналы. За исправность доставки журнала, Редакція отвѣтствуетъ только
передъ тѣми подписчиками, которые обратятся съ требованіями прямо отъ
себя, въ главную контору журнала «Мірской Вѣстникъ.»

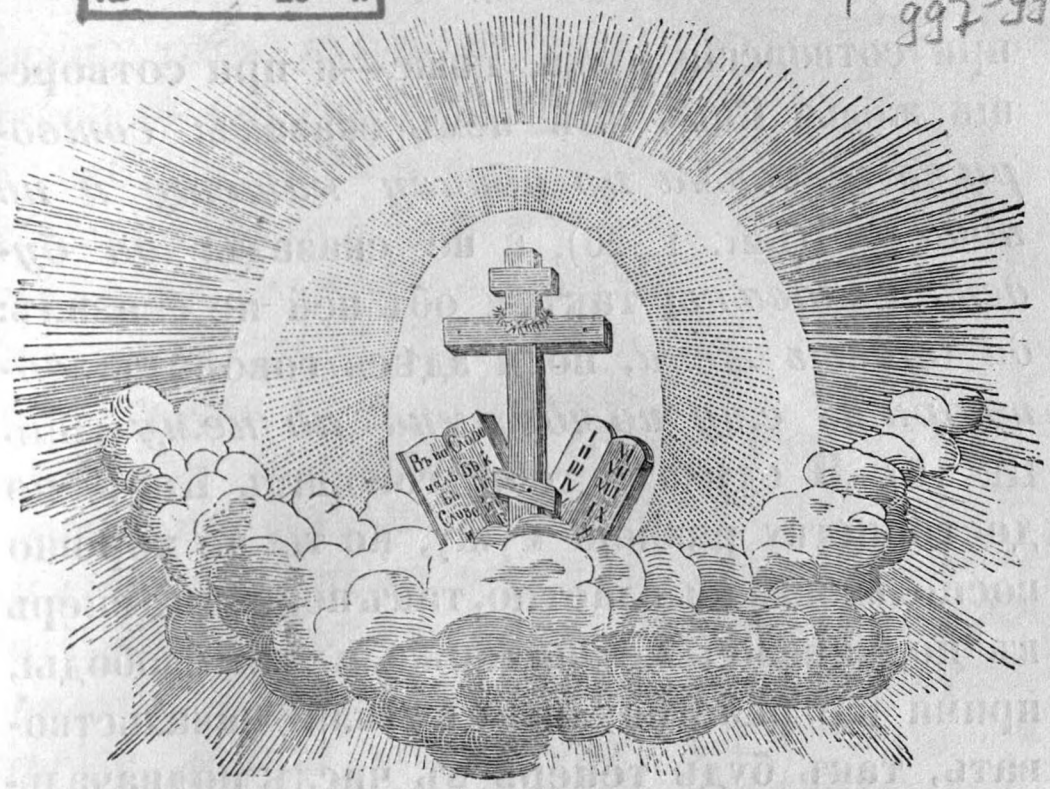
Редакція покорнѣйше проситъ въ посылаемыхъ требованіяхъ подробно обозначать: куда слѣдуетъ отправить, какому именно лицу, также мѣсто нахождения—если не въ городѣ, то въ какой губерніи и уездѣ, съ означеніемъ ближайшихъ почтовыхъ конторъ.

Письма и статьи можно адресовать въ С.-Петербургъ, на имя редактора журнала: «Мірской Вѣстникъ», Генераль-маіора Александра Ѳеодоровича Гейрота.

Дозволено цензурою, сентября 14 дня 1866 года.

Губ. г. Владимиръ. въ типографіи Александровскаго.

ср. 991-992, 997-998 - ксеро

ЧАСТЬ

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

15 СЕНТЯБРЯ

№ 18.

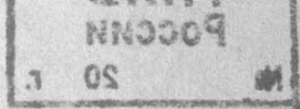
1866 ГОДА.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

СВ. АНАСТАСІЯ СИНАИТА.

Вопр. Почему Апостоль говоритъ: *женъ угити не повельваю* (1. Тим. II. 12).

Отв. Потому, что она разъ худо научила Адама. До преслушанія жена была равночестна мужу. Какія слова употребилъ Господь

при сотвореніи мужа, тѣже—и при сотвореніи жены. Какъ обѣ немъ сказалъ: *сотворимъ геловька по образу нашему и по подобію* (Быт. I. 26), а не сказалъ: *да будетъ геловькъ*; такъ и обѣ ней не сказалъ: *да будетъ жена*, но и здѣсь говоритъ: *сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. III. 16). Я сдѣлалъ тебя, говоритъ Богъ, по достоинству равною мужу, но ты не хорошо воспользовалась властію, такъ перейди теперь въ подчиненіе; не выдержала ты свободы, прими же рабство; не съумѣла начальствовать, такъ будь теперь въ числѣ подначальныхъ и мужа своего признай господиномъ, и онъ будетъ господствовать надъ тобою: *къ мужу твоему обращеніе твое*, т. е. онъ—твое убѣжище, твоя пристань, твоя защита.

Итакъ потому *узгитъ женъ не повелю вая, ниже владѣти мужемъ*, что она разъ худо научила и худо поначальствовала, и—все низпровергла,—*но быти въ безмолвіи* за то, что мужа своего Адама заставила низпасть изъ рая. Самъ же Апостольъ сказываетъ эту причину: *Адамъ бо, говоритъ, не прельстися, жена же прелстившися, въ преступленіи бысть* (1. Тим. II. 14). Вотъ почему я, говоритъ Апостольъ, свелъ ее съ кафедры учительской! Ибо кто не умѣетъ

учить, тотъ пусть учится, а если захочетъ таковой не учиться, а учить,—то погубить и себя и учениковъ своихъ, что именно сбылось тогда и на женѣ, и потому говоритъ: *жена въ безмолвіи да узгится со всякимъ покореніемъ* (1. Тим. II. 11), потому что непокорность ея и самообольщеніе внесли въ весь міръ бѣдствія и гибель. Почему и говоритъ премудрый: *отъ жены нагало ирѣха, и тою умираемъ вси* (Сир. XXV. 27); также и Приточникъ говоритъ: *многихъ бо уязвивши низверже, и безчисленни суть, ихже, убила есть* (Прит. VII. 26),—и, въ слѣдствіе сего, увѣщаетъ, говоря: *не внимай злѣй женѣ: медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ юртанъ твой, послѣди же горгае желги обрящеши и изошрену паге меза обоюду остра* (Прит. V. 3. 4); и: *жена мужей гестныя души уловляетъ* (— VI. 26); *воскрилена есть и блудна: въ дому не позиваютъ нозъ ея. Время бо нѣкое внѣ глумится, время же на распутіихъ при всякомъ угль пристѣдитъ* (— VII. 10—13); и: *путіе адовы домъ ея, низводящии въ сокровища смертная* (— 27); и *не вѣсть стыднїя: стѣде бо при дверехъ дому своего, на столцѣ явѣ на стогахъ,*

призывающая милоходящихъ (—IX. 13—15); и: адъ и похоть жены, и земля не напоенная водою, и огонь не рекутъ: довлѣетъ (—XXX. 16); таковъ путь жены блудницы: яже егда сотворитъ, и измышися, никто же, реге, содѣлахъ нелпо (—20); и: лучше жити въ земли пусть, неже жити съ женою сварливою и язычною (—XXI. 19); и: якоже въ древь гереь: тако мужа погубляетъ жена злотворная (—XII. 14); и: якоже капли изгоняютъ геловька въ день зиленъ изъ дому ея: тако и жена клеветливая изъ своего дому (—XXVII. 15); и: якоже усерязъ златый въ ноздрехъ свини, тако женъ злоумный льпота (—XI. 22).

И Екклезіаеъ говоритъ: обрътохъ юргайшу наге смерти жену, яже есть ловитва, и съти сердце ея, узы въ руку ея: блаий предъ лицемъ Божиимъ изымется отъ нея, а согръшаяй ятъ будетъ отъ нея. **И** геловька (мужа) единая отъ тысящъ обрътохъ благаго, а жены во всѣхъ сихъ не обрътохъ (Еккл. VII. 27, 29).

Подобнымъ образомъ вразумляетъ и Сирахъ, говоря: не даждь женъ пресвытіе надъ крѣпость твою (Сир. IX. 2); и: лучше злоба мужеска, нежели добродѣтельная

жена (—XLII. 14); и: всяка язва и не язва
сердегная, и всякое лукавство и не
лукавство женское (—XXV. 15); и: мала
есть всяка злоба противу злобѣ жен-
стѣй (—21); и: нѣсть главы паче главы
змиины, и нѣсть злобы паче злобы женскія.
Дугше жити со львомъ и дракономъ,
неже жити съ женою лукавою. Лукав-
ство жены измѣняетъ зракъ ея, и
омражаетъ лице свое яко вретнице (сѣ-
веръ—*ἄρκος*) (—17—20); и: якоже восхожде-
ніе по песку ногамъ стараго, тако жена
языгна мужу молгаливу (—22); и: воло-
вое то движило жена лукавна, дер-
жайся ея, яко емляйся скорпіи (—XXVI.
9); и: не сматрай на красоту женску,
и жены въ похоть не пожелай (—XXV.
23); не даждь водѣ прохода, ни женѣ
лукавѣ дерзновенія: аще не ходитъ подъ
рукою твоею, отъицы ю отъ плоти
твоея (—28, 29); и: инѣвъ великъ жена
пѣянзива, и студа своею не покрываетъ
(—XXVI. 10); и: яко жажденъ путникъ
отверзетъ уста, и отъ всякія воды ближ-
нія испіетъ: прямо всякаго кола сядетъ,
и прямо стрѣлы отверветъ тулъ (—14,
15); и: блудъ женскій въ возвышеніи огесъ,
и бровми ея познанъ будетъ (—11); и:

*суть ли ти дщери, внимаи тьлу ихъ,
и не являй веселаго къ нимъ лица тво-
его (—VII. 26); и: надъ дщерию безстудною
утверди стражу, да не попущеніе об-
рѣтши употребитъ себе (—XXVI. 12), и
да не когда сотворитъ тя обрадованіе
врагомъ, бѣсѣду во градъ, и посрамитъ
тя въ народъ мнозь (—XLII. 11); жена
лукавая, часть лукава, и мужу грѣшному
дается.*

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ АНТОНІЕМЪ АРХІЕ-
ПИСКОПОМЪ ВЛАДИМІРСКИМЪ И СУЗДАЛЬСКИМЪ, 8-ГО СЕНТЯБРЯ
ВЪ РОЖДЕСТВЕНОМЪ МОНАСТЫРѢ, ПРИ ПЕРВОМЪ СЛУЖЕНІИ ПО
ПРИБЫТІИ НА ВЛАДИМІРСКУЮ ПАСТВУ.

Отцы и братія, и вы все возлюбленные о Господѣ
чада Православной Христовой Церкви!

Провидѣнію угодно, чтобы я былъ среди васъ, и притомъ
не простымъ согражданиномъ вашимъ, а въ званіи ваше-
го пастыря, наставника и руководителя въ жизни ду-
ховной. Радуюсь и благодарю Господа, что Онъ спасъ
отъ нужды душу мою, переселилъ меня изъ Египта въ
землю Ханаанскую, изъ страны, хотя русской и благоче-
стивой, но ополяченной и оскверненной жидами, въ стра-
ну чисто православную, русскую. Радуюсь и тому, что
мнѣ суждено жить въ бывшемъ иѣкогда престольномъ
градѣ Великихъ Князей и Первосвятителей Русскихъ и
молиться въ храмѣ, запечатлѣнномъ кровію многихъ му-
чениковъ.

Но, радуясь, вмѣстѣ страшусь и недостатка моихъ силъ. Вы знаете, что и здѣсь поприще дѣйствованія моего также обширно, какъ и тамъ,—и здѣсь, какъ и тамъ, на мнѣ лежитъ обязанность заботиться о спасеніи многихъ, очень многихъ душъ, и дать отвѣтъ предъ Богомъ за ихъ вѣру и жизнь. Если сильнѣйшіе меня Пастыри сложили съ себя бремя правленія ввѣренною мнѣ паствою, то мнѣ ли малосильному и маломощному управлять ею? Пастырь словеснаго стада, а тѣмъ болѣе Начальникъ Пастырей,—и здѣсь какъ и тамъ—долженъ быть свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, дабы всѣ вѣрующіе видѣли его добрыя дѣла и прославляли Отца нашего небеснаго (Матѳ. 5, 15). Но посудите сами, легко ли это?.. На немъ лежитъ обязанность защищать невинно угнетенныхъ, утѣшать скорбящихъ, наставлять заблудшихъ, ибо Онъ долженъ быть *всѣмъ вся, да всяко, хотя нѣкіе, спасетъ* (1 Кор. 9, 22). Но для сего сколько ему нужно ревности и усердія, кротости и терпѣнія? Будучи стражемъ дома Господня, онъ долженъ вести брань съ началами и властями тьмы вѣка сего, т. е. съ людьми, зараженными невѣріемъ и вольномысліемъ, съ людьми, дѣйствующими подъ вліяніемъ духа злобы (Еф. 6. 12), бороться съ духомъ времени, съ духомъ міра сего, глубоко погруженнаго во злѣ. А это опять требуетъ отъ него еще большихъ совершенствъ. И потому, какъ бы ни велики поданы были ему силы, *яже къ животу и благочестію*, какъ бы ни много у него было опытности и благоразумія, ревности и усердія къ дѣлу, но все ему многого еще будетъ недоставать для достиженія цѣли.

Впрочемъ, что ободряло св. Апостола Павла въ трудахъ его Евангельской проповѣди, тоже самое можетъ ободрять и всякаго пастыря словеснаго стада Христова

на поприщѣ его дѣйствованія. Это—благодать Божія, немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая, это—правая вѣра и жизнь пасомыхъ, согласная съ этою вѣрою, это—вниманіе паствы къ своему пастырю, наставляемыхъ къ своему наставнику. Пастыри дѣйствительно сильны любовію своихъ пасомыхъ. Самый ревностный, опытный и благоразумный пастырь ничего не сдѣлаетъ, если овцы не будутъ слушать гласа его и слѣдовать за нимъ, а блуждать по дебрямъ и разсѣлинамъ земнымъ. Дѣятельность пастырей нерѣдко зависитъ отъ той среды, въ которой они вращаются. Удивительно ли, что многіе изъ нихъ теряютъ духъ, невидя со стороны пасомыхъ ни вниманія, ни довѣрія, ни уваженія къ себѣ? Удивительно ли, что и самыя лучшіе изъ нихъ послѣ сего сдѣлаются посредственными, или даже малоспособными и малоусердными къ дѣлу своего служенія?

Вступая въ общеніе съ вѣренною миѣ паствою, я ни о чемъ такъ усердно не прошу Господа Бога, ничего столько не желаю, какъ того, чтобы всѣ вы—и пастыри и пасомые—были единомышленны и единомудренны въ вѣрѣ во Христа, чтобы эта вѣра ваша, возлюбленные о Господѣ, возвѣщавшая во всемъ православномъ мірѣ (Рим. 1. 8), чтобы жизнь ваша была образомъ для жизни христіанъ другихъ градовъ и вѣсей. Увѣренность въ томъ, что всѣ вы ходите достойно своего званія, весьма много облегчитъ тяжесть моего пастырскаго служенія у васъ. Благодать Божія, безъ которой мы слабы и немощны, не оставитъ насъ безъ своей помощи. Аминь.

Торжество христіанства.

Печальную картину представляет Римская имперія въ эпоху явленія въ ней христіанства. Языческое общество погружалось все глубже и глубже въ развратъ, будучи заражено съ самой жизненной своей стороны,—въ семействѣ. Живымъ памятникомъ такого глубокаго растлѣнія общества служить для насъ изданный въ то время законъ противъ безбрачія, по которому не былъ допускаемъ къ занятію общественныхъ должностей тотъ, кто отказался бы, въ качествѣ супруга, давать гражданъ отечеству. Брачная жизнь, несмотря на то, что разводъ въ то время не встрѣчалъ себѣ противодѣйствія въ дѣйствовавшихъ законахъ, была невыносимымъ игомъ, а воспитаніе дѣтей представлялось дѣломъ тяжелымъ и неприятнымъ. Каждый утопалъ въ развратѣ, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе отдаться всему тому, что бредъ чувствъ могъ произвести чудовищнаго. Свободный классъ, котораго этотъ странный законъ коснулся только отчасти,—этотъ свободный классъ, поврежденный въ самомъ корнѣ и погруженный въ матеріализмъ, худо скрытый подъ устарѣлыми суевѣріями, попиралъ своими ногами классъ рабовъ, который трудился, страдалъ и умервщлялъ себя на пескѣ амфитеатра, или насильственно сбрасывалъ съ себя свои цѣпи, желая все превратить въ хаосъ.—Чтобы исцѣлить это общество, которое произвело Мессалину (1), нужно было прежде всего возродить семейство: только вѣра христіанская, низшедшая изъ обителей неба въ атмосѣру земныхъ страстей,—она одна могла совершить дѣло возрожденія, сообщивъ челоѳческой природѣ вмѣстѣ съ указаніемъ истинныхъ ея потребностей и сознаніе о неземномъ ея назначеніи.

(1) Жена Римскаго Императора Клавдія, извѣстная своимъ распутствомъ.

И вотъ прежде всего она спѣшитъ положить покровъ чести на брачное ложе. Представляя жену ея мужу, она приводитъ на память тотъ день, когда Творецъ создалъ жену изъ ребра перваго человѣка, воскликнувшего съ восторгомъ при ея видѣ: «вотъ плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ». Мужъ, по сему, долженъ любить свою жену, какъ свое собственное тѣло, отъ котораго онъ не можетъ отрѣшиться, и которое онъ окружаетъ заботами и попеченіями. Подобно Іисусу Христу, возлюбившему свою Церковь, мужъ, далѣе, долженъ былъ любить свою жену тою внутреннею и глубокою любовію, которая имѣетъ свое основаніе не въ измѣнчивыхъ и не вѣрныхъ чувствахъ, и которая отрицаетъ всякую мысль о непостоянствѣ, какъ святотатство.—Съ своей стороны жена должна почитать своего мужа и повиноваться ему не какъ своему защитнику и господину (какъ говорилъ объ этомъ Римскій законъ), но какъ главѣ. Ибо она и создана была изъ ребра мужа для того, чтобъ быть его подругою и вмѣстѣ съ нимъ продолжать жизнь свою въ лицѣ дѣтей. Такимъ образомъ для обоихъ половъ подъ возвышенными и чистыми образами открылась единственная цѣль того неразрывнаго союза, къ которому призвалъ ихъ самъ Богъ. Откуда рождалась для лицъ того и другаго пола обязанность жить, пока не наступило для нихъ время вступить въ этотъ священный союзъ, цѣломудренно душою и тѣломъ. Языческій міръ съ удивленіемъ смотритъ на такое дѣвство, въ сравненіи съ которымъ дѣвство Весталокъ ⁽¹⁾ было только тѣнію.—Счастливый плодъ брака, получившаго снова свое первоначальное достоинство,—дѣти могли спокойно засыпать теперь въ колыбели. Противъ безчеловѣчныхъ законовъ Ромула и Ликурга ⁽²⁾ ихъ ограждала теперь священная

(1) Весталками назывались въ Римѣ жрицы богини Весты, на которыхъ налагался обѣтъ дѣвства.

(2) По этимъ законамъ слабое или больное дитя должно быть убиваемо при самомъ рожденіи.

печатъ, которую полагалъ на ихъ челѣ поцѣлуй матери—христіанки. Предметъ священныхъ заботъ,—дѣти теперь, получивъ должное, находили самое живое побужденіе для себя почитать въ виновникахъ своей жизни образъ самого Творца. За почитаніе родителей обѣщано было долголетствіе на землѣ, за братскій союзъ—благоволеніе неба.

Шире раздвигаются теперь предѣлы семейства. Имя брата получаетъ доселѣ невѣдомое значеніе. Христіанская вѣра въ первый разъ сказала человѣку: «какъ въ Адамѣ ты отрасль единой общей вѣтви, такъ въ Иисусѣ Христѣ ты сынъ общей вѣры; на этомъ двойственномъ основаніи воздвигнется то общество, гдѣ не будетъ ни эллина ни варвара, ни раба, ни свободнаго, но гдѣ будутъ лишь дѣти, призванные получить одинаковое наслѣдіе: иди же и ищи своихъ братьевъ внѣ узкаго круга твоего дома». И человѣкъ христіанинъ ставъ выше національныхъ предразсудковъ, дружески встрѣчаетъ чужеземца, какъ согражданина, принимаетъ его въ свой домъ, если онъ не имѣетъ пристанища, дѣлаетъ участникомъ своей трапезы, если онъ голоденъ, готовъ даже прикрыть его собственной одеждою отъ холода. Отвергнувъ его, онъ затворилъ бы дверь для гостя, посланнаго ему самимъ небомъ, для брата, въ собственномъ смыслѣ слова; ибо, говорилъ въ себѣ онъ, Иисусъ Христосъ, отмститель обидъ, причиненныхъ «меньшимъ» братьямъ, въ день своего прославленія, непременно поразитъ гордаго и безчувственнаго сими словами: «алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и не напоили Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня».

Когда на Римскомъ театрѣ поэтъ (1) въ первый разъ произнесъ эти возвышенныя слова: *homo sum, humani nihila me alienum puto* (человѣкъ я, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо); весь народъ откликнулся на нихъ крикомъ сочувствія, и съ восторгомъ рукоплескалъ поэту: минуту

(1) Теренцій, римскій комикъ, жившій въ 193—154 г. до Р. X.

спустя этотъ же самый народъ спѣшилъ рукоплескать при видѣ кроваваго зрѣлища, гдѣ рабъ, вооруженный кинжаломъ гладіатора, умервщлялъ другаго раба. Живой трофеей побѣды, которую одержала нѣкогда сила надъ правомъ,— рабъ могъ родить лишь раба, могъ обѣщать своему новорожденному лишь одно наслѣдство—свои цѣпи. Этотъ жестокой приговоръ, который услышалъ отецъ въ день своего порабощенія: «*voe victis* (горе побѣжденнымъ)— жестокой непріятель твердилъ и робкому уху дитяти, покоющагося въ колыбели. Съ той поры на землѣ явился классъ людей, надъ которыми другой классъ присвоилъ себѣ право жизни и смерти. Тщетно идолопоклонство темнымъ воспоминаніемъ болѣе счастливаго времени, когда право царствовало по всей землѣ, соединяло на одномъ и томъ же пирѣ въ извѣстные праздничные дни, господина и раба: снисходительность во время сатурналій ⁽¹⁾ не была свободою. Напрасно законъ предоставлялъ рабу возможность цѣною какихъ либо особенныхъ заслугъ выкупать свою свободу: отъ этаго благодѣянія, въ основаніи котораго лежалъ корыстный расчетъ, было еще далеко до признанія права. Да и чего другаго можно было ожидать отъ законодательства, которое въ отношеніи къ значительнѣйшей части рода человѣческаго руководилось страшною аксіомою: *populi sunt tam viles, quam nulli sunt* (не столько дешевы, сколько ничтожны) ⁽²⁾. Одно христіанство могло уничтожить древнее рабство и даровать всѣмъ истинную свободу.

(1) Сатурналіи, празднества въ честь Сатурна, начинавшіяся въ Римѣ 17 Декабря и продолжавшіяся 7 дней. Въ эти дни римляне посылали другъ другу подарки и угощали слугъ своихъ.

(2) Т. е. если цѣна за раба была (ничто) незначительна, то самая личность его была рѣшительно ничтожна, въ глазахъ римскаго законодательства. По словамъ одного замѣчательнаго католическаго богослова, (Döllinger, Heidenthum und Iudenthum, § 706) въ Римѣ издревле существовалъ законъ, по которому наказываемъ былъ смертію убившій рабочаго вола, между тѣмъ какъ убійца раба не подлежалъ никакой отвѣтственности.

Но какъ совершить обновленіе, не влагая въ сердце всѣхъ рабовъ ненависти, а въ руки ихъ меча Спартака (¹)? Лучше, чѣмъ обширныя разсужденія, одинъ замѣчательный фактъ дастъ намъ понятіе о средствахъ, которыми христіанство измѣняло древнюю языческую жизнь.

Изъ улицы въ улицу ходить въ Римѣ апостоль языкъ; его руки связаны цѣпью, которую держитъ жестокая рука преторіанца. Будто государственный преступникъ, римскій гражданинъ, котораго ненависть Іудеевъ отдала подъ строгій общественный надзоръ, какъ мятежника, — Павелъ почти незамѣтно проходитъ среди народа, занятого своими дѣлами и своими наслажденіями.

Какой-то бѣдный рабъ сопутствуетъ ему и вслѣдъ за нимъ проникаетъ въ скромный домикъ, гдѣ незнакома была искусственность городской жизни, и здѣсь бросается къ ногамъ Апостола. Вдали отъ Тибра, близъ Ликіи, въ небольшомъ городѣ Колоссахъ, этотъ рабъ впервые видѣлъ Павла у своего господина Филимона, который открылъ доступъ въ свой гостепріимный домъ нѣкоторымъ изъ учениковъ новой религіи. Виновный въ кражѣ, произведенной имъ въ домъ господина, рабъ въ Римѣ думалъ скрыть свое бѣгство и свое преступленіе. При видѣ Павла, его неотступно сталъ преслѣдовать образъ прежняго господина, угрызения совѣсти возсталъ въ его душѣ, и онъ умоляетъ друга Божія принять его къ себѣ въ услуженіе, надѣясь найти въ Апостолѣ надежнаго ходатая предъ господиномъ. Съ любовью принимаетъ его Павелъ и не отпускаетъ отъ себя. Онисимъ былъ идолопоклонникъ; безъ всякаго труда Апостоль убѣждаетъ его оставить религію, которая столь мало сдѣлала для раба, и чрезъ крещеніе даетъ ему новый духъ и новое сердце. Потомъ, давъ почувствовать ему сладость освобожденія отъ страстей, сладость нравственной свободы,

(¹) Спартакъ былъ предводителемъ рабовъ во время ихъ возстанія противъ Римлянъ въ 73—71 г. до Р. Х.

обѣщаетъ ему и гражданскую свободу, но приказываетъ напередъ возвратиться на свое прежнее мѣсто къ Филимону, котораго онъ былъ собственностію по законамъ человѣческимъ.

Возрожденный рабъ повинуется: вторично переплываетъ онъ моря, и вотъ стоитъ предъ лицомъ своего господина и судьи, держа въ рукахъ посланіе Павла, гдѣ его вина поставлена была предъ судомъ Евангелія. Въ это время новорожденная церковь колосская собралась въ домъ этаго богатаго собственника и пребывала въ общей молитвѣ о избавленіи отъ бѣдствій. Вотъ она приготовилась слушать слова Апостола. Послѣ привѣтствій мира и любви, обращенныхъ къ Филимону, его женѣ, его церкви, старцу, управлявшему ею въ качествѣ епископа, Апостоль писалъ слѣдующее:

«Прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я во узахъ моихъ. Онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ; я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мое сердце. Я хотѣлъ при себѣ удержать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ за благовѣствованіе: но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, что бы тебѣ принять его навсегда, не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти и въ Господѣ. Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чемъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай сіе на мнѣ. Я Павелъ написалъ моею рукою: я заплачу; не говорю тебѣ о томъ, что ты и самимъ собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ; успокой мое сердце въ Господѣ. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю». (Филим. 10—21).

И Филимонъ при этомъ обращеніи, сдѣланномъ болѣе къ вѣрѣ его, чѣмъ къ чувствамъ человѣколюбія, объявляетъ собранію, что оно въ Онисимѣ, сдѣлавшемся христіаниномъ, въ Онисимѣ, котораго усыновилъ Павелъ, имѣеть отселѣ новаго брата. Предъ всѣмъ собраніемъ свидѣтельствуеть Филимонъ, что онъ не только прощаетъ Онисиму вину, которую простилъ самъ Богъ, но и даруетъ ему свободу.

Съ этаго времени человѣку возвращены его права: рабъ, виновный въ преступленіи, которое обыкновенно наказывалось смертью на крестѣ, получалъ свободу. Но эта свобода давалась ему не тростию ⁽¹⁾ претора,—она не въ состояніи была сдѣлать этаго;—но въ силу равенства, которое строго вытекало изъ самыхъ первыхъ положеній христіанства: единства рода и единства религіознаго.

Уже эта религія духа возвѣщена была въ Римѣ, который однакожь не знаетъ ее, и не могъ бы ее понять среди оглушающаго шума праздниковъ, которое расточаетъ ему Неронъ. Въ день, который Римъ посвятилъ солнцу, нѣкоторые изъ его сыновъ, одни владѣвшіе тайною неба, собрались, съ утреннимъ разсвѣтомъ, въ уединенномъ домѣ почти украдкою, чтобы славословить Того, Котораго вещественное солнце есть только не совершенный образъ. Старецъ управляетъ собраніемъ; спокойствіе и ясность въ чертахъ его лица показываютъ, что онъ не страшился опасностей, которыя связаны съ его званіемъ; ибо ему грозитъ кара закона, изгоняющаго изъ Рима Іудеевъ, съ которыми смѣшивали христіанъ. Этотъ старецъ, убѣленный сѣдинами, — Апостоль Петръ.

Самовидецъ Христа, онъ повѣствуетъ о послѣднихъ минутахъ земной жизни своего учителя. Онъ рассказываетъ о той тайной вечери, — свидѣтельница столько див-

(1) Т. е. не въ силу гражданскаго опредѣленія.—Какъ извѣстно древніе писали тростию (stylum) на восковыхъ дощечкахъ.

ныхъ событій. Спаситель, уже готовый на утро предать духъ свой Отцу своему на крестномъ древѣ, устанавливаетъ великую жертву, которая должна была вѣчно сохранять воспоминаніе о жертвѣ Голгоѣской и замѣнить древня жертвы въ видѣ священной трапезы, гдѣ хлѣбъ и вино претворяются въ Его тѣло и Его кровь. И вотъ Апостоль поднялся съ своего мѣста, вдохновленный воспоминаніемъ той торжественной минуты; стоя, съ распростертыми руками, обративъ лице къ Востоку, онъ умоляетъ Божественнаго Искупителя милостивно призрѣть на царицу міра (Римъ), преклонившую колѣна предъ идолами и привести ее съ ея многочисленными сынами къ подножію новаго алтаря на который Онъ, Богъ Всемогущій, нисходитъ и на немъ закалается въ снѣдь вѣрнымъ.

Онъ говорилъ, и молитва учениковъ присоединилась къ его горячей молитвѣ. Между тѣмъ какъ діаконы предложили хлѣбъ и вино, Апостоль произнесъ вѣчно живое и дѣйственное слово, заповѣданное ему Сыномъ Божиимъ, и этотъ хлѣбъ и это вино—безсмертная пища душъ—были преподаны всѣмъ членамъ этаго святаго общества. Въ этой братской радостной трапезѣ участвовали всѣ, безъ различія,—бѣдные и богатые, рабы и господа, невѣжды и ученые. Тогда изъ всѣхъ этихъ сердець, жившихъ общими чаяніями, какъ изъ нѣкоего святилища, вознесся гимнъ благодарности и любви. Всегдашняя спутница дѣйствій благодати,—милость ⁽¹⁾ не замедлила явиться тотчасъ, удѣляя бѣдному то, что она сама получила отъ Бога; она вспомнила своими щедротами и вдову, и сироту, и странника. И эти мужчины и женщины, эти дѣти и старцы удалились изъ собранія, какъ путешественники, которые вкусили отъ плодовъ земли, и живутъ теперь лишь воспоминаніемъ о новомъ для нихъ отечествѣ.

(1) Рѣчь идетъ о «вечери любви», которая, обыкновенно, слѣдовала за совершеніемъ таинства Евхаристіи.

Въ свою очередь у язычниковъ—праздникъ. Храмъ Солнца отверзся для толпы идолопоклонниковъ, которая входила въ него, окропляемая жертвенною водою. Бѣлый быкъ, съ позолоченными рогами, былъ приведенъ къ жертвеннику; взявъ священный ножъ, жрецъ закалалъ жертву: кровь струилась въ мѣдные сосуды, запахъ мяса, положенныхъ на раскаленные угли, смѣшивался съ запахомъ ладана. Приносившее жертву семейство брало съ собою отсель часть на праздникъ, отъ котораго начатки уже представлены идолу.

Но какое религиозное чувство, какая благотворная мысль могла возникнуть при этой крови, изъ этаго куренія? Человѣкъ, довольно богатый, чтобъ принести это жертвоприношеніе, просилъ себѣ долгоденствія у бога свѣта (солнца). Жрецъ, вопросивъ разсѣченныя и еще трепещущія внутренности животнаго, отвѣчалъ что молитва услышана: Аполлонъ и его почитатель удовлетворены другъ другомъ. Если иногда языческій гимнъ оживлялъ своими гармоническими звуками это нѣмое торжество, все-таки онъ не былъ, подобно христіанскому гимну, отголоскомъ Неба; и толпа удалялась отсель, какъ и пришла, съ своими прежними страстями: жертвенная вода не имѣла силы врачевать мучительныхъ ранъ сердца: языческое жертвоприношеніе не производило нравственнаго обновленія.

А этаго—то обновленія и требовала прежде всего жертва христіанская: подъ ея таинственнымъ покровомъ должно совершиться освященіе душъ освобожденныхъ отъ рабства чувствамъ, и возрожденныхъ водою, которую осытливилъ божественный Духъ. Но это нравственное освобожденіе, это духовное возрожденіе стоило для нихъ большихъ усилій. Христіанская вѣра, если обѣщала великія награды, то требовала вмѣстѣ не менѣ великихъ подвиговъ. Этому сенатору, привыкшему къ роскоши и нѣгѣ

она предлагаетъ отказаться совершенно отъ обязанностей, которыя могли быть исполнены лишь подъ условіемъ идолопоклонства, предлагаетъ совершенный разрывъ съ политикою, которая ожидала внушеній себѣ отъ Капитолія⁽¹⁾ совершенное отреченіе отъ самыхъ дорогихъ предразсудковъ, отъ самыхъ любимыхъ привычекъ. Этому философу надмѣнному своею суетною мудростію, она проповѣдуетъ высокое *юродство* креста. Этому Римскаго юношу, гордаго своимъ происхожденіемъ и красотою, она обязываетъ отречься отъ суетныхъ, изысканныхъ украшеній, удалиться отъ взоровъ людскихъ, осудить себя на уединеніе, быть сострадательнымъ къ рабамъ. Этому молодому человѣку, блистающему, подобно Аполлону, которому онъ подражалъ въ нравахъ и одеждѣ, она говоритъ о смиреніи, цѣломудріи сокровенныхъ добродѣтеляхъ. Этой черни, которая требовала себѣ лишь хлѣба и зрѣлищъ, она говоритъ: оставь грубыя радости; не думай ни о театрѣ, ни о бѣгахъ въ циркѣ, ни о бояхъ гладиаторовъ. А эта чернь, не слушая увѣщаній о воздержаніи отъ минутныхъ удовольствій, отвѣчаетъ, пойдѣмъ въ сады цезаря; сегодня вечеромъ тамъ, при свѣтѣ факеловъ, Неронъ устроитъ бѣгъ, и вотъ, при этихъ словахъ, сказанныхъ съ насмѣшкою, она стремится куда влечетъ ее шумъ праздника. Но здѣсь она еще разъ должна встрѣтить христіанскую вѣру...

Что это за стоны, которые порою прерываютъ и смущаютъ общую радость? о ужасъ! вотъ факелы, которыхъ слабый свѣтъ едва освѣщаетъ арену, — это человѣческія тѣла, покрытыя одеждами, напитанными смолою и сѣрою, это — христіане. Пламя сильнѣе охватываетъ ихъ; но среди страшныхъ мученій, они не проклинаютъ своего мучителя, они торжествуютъ надъ его яростію: Богъ ихъ слышитъ, — эта мысль воодушевляетъ ихъ среди жесточай-

(1) Капитолій — храмъ Юпитера въ Римѣ на горѣ Торпейской, подлѣ котораго находилась крѣпость Римская.

шихъ мученій. Неронъ обвиняетъ ихъ въ поджогъ Рима; народъ, пораженный жестокостію казни, не смѣетъ ихъ считать виновниками недавняго бѣдствія. И хотя онъ смотритъ на нихъ, какъ на сектантовъ, расположенныхъ ненавидѣть всѣхъ другихъ людей, однакожь не можетъ не пожалѣть о томъ, что они сдѣлались жертвою жестокости тирана—тирана, который, по общему мнѣнію, могъ поджечь городъ для того, чтобы прибрѣсть себѣ славу его возстановителя, и который спѣшилъ перенести на христіанъ преслѣдовавшія его подозрѣнія.

Такъ мечъ и огонь встрѣтили вѣчное ученіе, возвѣщавшееся прежде лишь въ совѣсти человѣческаго рода! Да оно было истиннымъ отвѣтомъ на тотъ мгновенный возгласъ: Великій боже! Всеблагій Боже!—который язычникъ, объятый радостію или страхомъ, произносилъ, обращаясь не къ капитолію, но къ небу. Несмотря на это свидѣтельство души—«по природѣ христіанки» она еще служила идолопоклонству, которое льстя ея страстямъ, отвѣчало повидимому, ея слабости. И долопоклонство приковывало къ себѣ любопытство своими оракулами, питало національное самолюбіе льстивыми предсказаніями; наконецъ оно, не обязывая достигать добродѣтели съ великими усиліями, находило извиненіе для самыхъ безпорядочныхъ склонностей въ слишкомъ извѣстныхъ дѣйствіяхъ боговъ. И потомъ, гдѣ язычеству найти, внѣ круга его вѣрованій, музъ, покровительницъ изящныхъ искусствъ, найти грацій, умиротворяющихъ тревоги сердца, геніевъ, раздавателей счастья, пенатовъ,—покровителей семейства, ларовъ,—хранителей очага и всѣхъ тѣхъ народныхъ божествъ, для умиловленія которыхъ достаточно было незначительной доли ладона?

Такимъ-то образомъ идолопоклонство, увлекательное столькими обаятельными воспоминаніями, увидѣвъ христіанскую вѣру съ ея деревяннымъ крестомъ, сочло ее

безуміемъ; но когда примѣтило, что этотъ знакъ смерти грозилъ разсѣять его блестящую фантазмагорію, чего не избрѣтало оно въ борьбѣ съ своего соперницею! Уступить ей?—но вѣдь это суевѣріе, порожденное разстроеннымъ мозгомъ нѣсколькихъ человѣкъ (такъ смотрѣло на христіанскую вѣру язычество),—суевѣріе, враждебно относящееся къ литературѣ и изящнымъ искусствамъ, и особенно къ національнымъ интересамъ, ибо оно презирало изображеніе цезаря, не хотѣло знать жертвенника Викторіи (богини побѣды), отъ котораго римскіе орлы устремлялись къ завоеванію міра, хулило бога Марса, основателя воинственнаго города, хулило бога Терма, этого всегдашняго охранителя границъ римской имперіи; и къ этой крайней дерзости оно присоединяло еще самую черную магію!

Что удивительнаго теперь, если боги скоро измѣнили свое прежнее расположеніе къ людямъ? И сколько несчастій обрушилось на послѣднихъ! Если было землетрясеніе, —это значило, что земля не могла держать на своей поверхности «нечестивыхъ» (такъ называли христіанъ); если воды Нила, отъ котораго зависѣло все плодородіе страны (Египта), не разливались болѣе, —это значило, что онъ оскверненъ былъ ихъ ненавистнымъ присутствіемъ; если оракулъ Аполлона отказывался прорицать, это зависѣло оттого, что невдалекѣ отъ него былъ домъ, служившій убѣжищемъ для нихъ, или лежали мощи христіанскаго мученика. При этой молвѣ, которая раздражала чернь, и доносилась, какъ одуряющее испареніе до высшихъ классовъ общества, идолопоклонство призвало себѣ на помощь и государственную власть. Во имя Кесаря, —верховнаго первосвященника-проконсулы и преторы, при содѣйствіи юрисконсультовъ, —этихъ ревностныхъ хранителей древнихъ преданій, какъ въ провинціяхъ, такъ и въ Римѣ, дѣятельно хлопотали объ отмщеніи за поруганіе идолопоклонства. Такое зло требуетъ отъ представителей Цезаря немедленнаго уврачеванія, и, если нужно, великихъ очистительныхъ жертвъ.

И эти очистительныя жертвы не замедлили явиться. Римскій преторъ обѣщается со всею справедливостію поступить съ этими безбожниками, которыхъ преступленія вызывали громы Олимпа. На слѣдующій день около судейскаго мѣста уже лежало множество списковъ обвиненныхъ, гдѣ означены были имя, возрастъ, состояніе, должность лицъ, заподозрѣнныхъ въ запрещенномъ сектанствѣ. Опираясь на распоряженіе начальства, солдаты ревностно отыскивали христіанъ,—и темницы были наполнены ими. Въ день, назначенный для суда, въ преторію была приведена значительная толпа народа. Передъ трибуналомъ возвышался жертвенникъ съ изображеніями боговъ; вокругъ стояли ликторы, вооруженные сѣкирами, готовые приступить къ дѣлу по первому знаку; позади, среди орудій казни, видѣлись какія—то отвратительныя фигуры,—это палачъ и его помощники. Введены были обвиненные, и судья, занявъ свое мѣсто, началъ слушать показанія, между тѣмъ какъ нотаріусы записывали ихъ со всею точностію.

Какой—то сенаторъ обвинялъ здѣсь своего раба въ томъ, что онъ заразился ученіемъ, ниспровергавшимъ въ основаніи весь общественный порядокъ.

Военный трибунъ, досадуя на одну христіанскую дѣвицу за то, что она отвергла его брачное предложеніе, силою привлекъ ее сюда изъ дома, и обвинялъ въ нечестіи въ той надеждѣ, что она въ виду грозной обстановки суда невольно покорится его пожеланіямъ.

Жрецъ Цереры приносилъ жалобу на пастуха, что этотъ отказывался уступить ему для богини лучшее животное изъ стада.

Здѣсь стояла молодая женщина, кормившая грудью своего младенца; ея вина состояла въ томъ, что она не рѣшилась посвятить его въ языческія таинства, и его прежнее имя, напоминавшее имя идола, замѣнила именемъ, которое носилъ Апостоль Іисуса Христа.

Тутъ куріаль обвинялъ своего сосѣда въ оскорбленіи величества и хулѣ на боговъ: сосѣдъ его не хотѣлъ принять участіе въ праздникѣ императорскомъ, на которомъ изображенію императора воздавалась божеская честь, имя его призываемо было, среди возліаній, наравнѣ съ именами боговъ.

Нѣсколько далѣе, стоялъ сотникъ; вынуждаемый привести недавно набранныхъ солдатъ къ военной присягѣ предъ изображеніями римскихъ орловъ, онъ бросаетъ теперь перевязь своего меча и виноградную вѣтвь—знаки своего званія.

Вотъ идетъ почтенный старецъ, опирающійся на палку; при переходѣ его изъ темницы въ преторію, грубый солдатъ разбилъ ему ногу концомъ цѣпи; на его лицѣ незамѣтно чувства боли; его взоры, повидимому, останавливались съ радостію, смѣшанною съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на самыхъ юныхъ и самыхъ слабыхъ обвиненныхъ. Идолопоклонники говорили объ немъ: «это—отецъ христіанъ, жестокій врагъ боговъ; онъ убѣждаетъ вотъ—этихъ безумцевъ вѣрить, что они воскреснутъ для другой жизни, если умрутъ за свои вѣрованія».

Это, дѣйствительно, епископъ; но, по внѣшнему виду, ничто не отличало его отъ другихъ, кромѣ, можетъ быть, его убогой одежды, которую онъ нѣсколько разъ снималъ съ себя, чтобы прикрыть обнаженные члены своихъ братьевъ—и однако, не смотря на постоянныя его благодѣянія, всѣ считали его подозрительнымъ человѣкомъ. Эта неблагодарная чернь, которая кормилась на счетъ его благотворительности и которая всегда готова волноваться въ тихомолку, теперь была подкуплена; благотворительность его выводили изъ корыстнаго и преступнаго намѣренія приобрѣсть народное расположеніе; ибо онъ не посылалъ, подобно идольскимъ жрецамъ, бѣдныхъ питаться ночью

отвратительными остатками отъ празднествъ Гекатеи (1) на гробахъ; онъ дружески обращался съ ними, заботился не менѣе о душахъ, какъ и о тѣлѣ ихъ. Откуда, продолжала спрашивать толпа съ негодованіемъ, откуда онъ доставалъ деньги, которыя, на нашихъ глазахъ, онъ сыпалъ щедрою рукою? Это непременно плодъ тайныхъ злодѣяній.

Къ этой фанатической ревности по народной религіи примѣшивалось столько ненавистныхъ страстей, что судьи, если бы они дѣйствовали справедливо и подъ управленіемъ какого либо лучшаго государя, не спѣшили бы удовлетвореніемъ неосновательныхъ жалобъ. Прежде всего, должно было изслѣдовать: обвиненные совершили ли какое либо преступленіе, противное дѣйствовавшимъ законамъ? На этомъ пунктѣ невинность подсудимыхъ была очевидна: изъ всѣхъ злодѣевъ, которыми наполнены были темницы въ имперіи, нельзя было встрѣтить ни одного, который бы принадлежалъ къ обществу христіанъ. Что касается ихъ тайныхъ собраній, о которыхъ говорила молва, ужасныхъ мистерій, отвратительныхъ оргій, то взоръ самаго пристрастнаго судьи здѣсь не увидѣлъ бы ничего преступнаго. Но здѣсь, однако, было начало мнимаго преступленія; имя христіанина должно быть отвергнуто, подъ опасеніемъ смертной казни, судья долженъ былъ убѣдить или наказать, — таково его назначеніе, исключеніе было лишь въ тѣхъ рѣдкихъ промежуткахъ времени, когда народная ненависть сдерживалась просвѣщенной терпимостью нѣкоторыхъ императоровъ, но и эти послѣдніе часто послѣ мѣръ терпимости воздвигали жестокія гоненія: они боялись идти вопреки языческому общественному мнѣнію. Такимъ образомъ, судья почти всегда дѣйствовалъ по слѣдующему правилу: если обвиненный согласится принести жертву, то его должно оставить въ покоѣ; если отказывается почитать боговъ, то на немъ показать примѣръ строгости.

(1) Гекатея—богиня ада; въ честь ея совершались празднества на гробахъ умершихъ.

«Подойдите же вы, зараженные христіанскимъ суевѣріемъ; вы несчастные измѣнники религіи вашихъ отцевъ; васъ ожидаетъ жертвенникъ; огонь на немъ уже горитъ; почтите великихъ боговъ имперіи нѣсколькими зернами ладона, брошенными въ пламя,—и вы, чрезъ безразсудное упрямство, не лишитесь имущества, свободы, жизни».

И вслѣдъ за такими увѣщаніями, которыя порой можно было слышать отъ судьи, герольдъ вызывалъ обвиненныхъ одного за другимъ; и привлеченный насильно къ идолу каждый изъ нихъ слышалъ грубыя слова: принеси жертву! «я христіанинъ»—былъ отвѣтъ. При этихъ словахъ палачъ приступалъ немедленно къ дѣлу. Среди пытокъ и мученій возвышался голосъ энергическаго протеста, слышалась торжественная защитительная рѣчь. Вотъ что говорили съ восторгомъ, по вызову судьи или палача, исповѣдники Евангелія.

Рабъ: въ мірѣ я былъ рабомъ Люція и ревностно служилъ ему во все время, пока онъ держалъ меня въ своемъ домѣ; но я принадлежу прежде всего Іисусу Христу, который никого не лишилъ правъ; въ немъ я освободился отъ грѣха, въ немъ я приобщился тѣмъ самымъ надеждамъ, какими живутъ мои братья—христіане; я почитаю блаженствомъ для себя страдать за того, кто меня искупилъ на крестѣ.

Дѣва христіанская: (намекая на ласки трибуна) мой Богъ—не его Богъ; мои надежды не имѣютъ ничего общаго съ его надеждами: если онъ хотѣлъ назвать меня своею супругою, это можно было сдѣлать лишь предъ алтаремъ Христа, который возвысилъ женщину изъ ея униженія, а не у подножія мерзкаго идола.

Молодой пастухъ: Богъ которому я поклоняюсь, явилъ себя при своемъ рожденіи подобнымъ мнѣ пастыремъ. Его славу возвѣщаетъ небо усѣненное звѣздами, онъ одинъ дѣлаетъ землю плодоносною и умножаетъ стада; онъ обѣ-

щаетъ и мнѣ бѣдному и темному человѣку мѣсто въ своемъ царствѣ. Чего ожидать отъ вашей Цереры, которая, если вѣрить вашимъ баснямъ, не могла возвратитъ своей собственной дочери изъ ада? (1)

Мать христіанка (изъ рукъ которой судья вырвалъ младенца): мы не приносимъ, подобно вамъ, своихъ дѣтей въ жертву Сатурну, мы не бросаемъ ихъ въ рѣки: мое дитя находится подъ защитою, какой не дають ваша религія и ваши законы: Апостоль, имя котораго оно носитъ на себѣ, съ высоты неба будетъ охранять его и защищать отъ сѣтей, разставленныхъ ему вашими хитрыми ласками. Прочь рвется дитя съ колѣнь судьи; оно отталкиваетъ его своими маленькими руками, — оно видѣло, какъ мать его мучили палачи; и судья, съ свойственною ему жестокостію, бросаетъ его на ступени трибунала и разбиваетъ о камни. Молитва матери—христіанки услышана, — ея дитя предварило ее въ небесныхъ обителяхъ.

Римскій гражданинъ: почести воздаваемые вами императору, принадлежать лишь одному Богу. Кесарь, каково бы ни было его могущество, подлежитъ какъ и мы, смерти; мы испрашиваемъ ему долгоденствія у того, которымъ мы живемъ. Кесарь не имѣетъ гражданъ болѣе покорныхъ, болѣе преданныхъ, чѣмъ христіане: у васъ законъ караетъ лишь открытое возмущеніе; нашъ же проникаетъ до самыхъ сокровенныхъ мыслей, считаетъ преступными злыя намѣренія даже до ихъ осуществленія.

Сотникъ: я воинъ Христа, царя вѣчнаго, — ему я клялся прежде, чѣмъ цезарю; обязанность приносить жертву богамъ и императорамъ заставила меня отказаться отъ военной службы; если положеніе воиновъ будетъ и впредь такое же, какъ теперь, то ваша армія сократится въ десять разъ; мы можемъ образовать изъ себя цѣлые легіоны, и конечно,

(1) Здѣсь намекъ на мнѣ о похищеніи Плутономъ богомъ ада, Прозерпины, дочери Цереры.

они будутъ не менѣе надежны для защиты имперіи; кто боится Бога, которому я служу, тотъ не страшится смерти.

Старець (съ челомъ, сіявшимъ радостію, какъ будто въ каждомъ изъ говорившихъ доселѣ великихъ исповѣдниковъ, онъ видѣлъ свою собственную побѣду): ослѣпленные и жестокіе люди! ваши законы терпятъ всѣ религіи, даже самыя нелѣпыя и гнусныя; лишь наша одна составляетъ исключеніе. Почему бы и преслѣдовать ее съ такимъ ожесточеніемъ, если не потому, что ваши суевѣрія, разоблаченныя при свѣтѣ ея истины, разлетѣлись бы въ прахъ; поспѣшите же предавать насъ смерти, для насъ она— жизнь, свобода, безсмертіе!

Какая проповѣдь могла быть дѣйственнѣе этаго великаго зрѣлища исповѣданія вѣры среди разнообразныхъ пытокъ и страшныхъ мученій? И эта проповѣдь не была бесплодна; въ толпѣ часто слышались голоса: какъ великъ Богъ, который даетъ силы переносить подобныя мученія! И этотъ внезапный взрывъ глубокаго удивленія смѣнился какимъ—то высокимъ восторгомъ. Вотъ изъ толпы зрителей выходитъ нѣсколько юношей; безъ страха являются они предъ судью и, горя желаніемъ креститься кровію, восклицаютъ: «и мы христіане» и судья предаетъ ихъ палачу; среди постоянныхъ оглушительныхъ криковъ толпы: «смерть нечестивымъ»!

Послѣ допроса, до окончательнаго приговора, обвиненные осуждались на томительное для нихъ темничное заключеніе. Исповѣдникамъ грозила здѣсь опасность поддаться убѣжденіямъ родственниковъ идолопоклонниковъ, посѣщавшихъ ихъ. Старикъ-отець бросался къ ногамъ любимой дочери, и со слезами умолялъ ее не безчестить его старости. Мужъ, обезумѣвшій отъ скорби, укорялъ свою жену въ томъ, что она купила цѣною крови своего дитяти безумную честь умереть христіанкою. Каждому предстоялъ свой родъ испытанія; но Богъ укрѣплялъ ихъ вовнутрен-

ней борьбѣ; темница дѣлалась храмомъ, преддверіемъ неба; дивныя видѣнія слѣдовали за горячею молитвою; и ложе изъ острыхъ черепковъ, на которомъ покоились страдальческіе члены мученика, казалось ему усѣяннымъ розами. Болѣе укрѣпленные своими цѣпиями, они вновь являлись предъ трибуналомъ, чтобъ услышать свой приговоръ и затѣмъ умереть, или подъ топоромъ ликтора (последнее преимущество римскаго гражданина) или на кострѣ, на крестѣ, отъ звѣрей въ амфитеатрѣ.

Эту дань изъ человѣческой крови, которую императоры сами платили римскому народу, а чрезъ своихъ проконсуловъ—провинціальной черни,—эту дань идолопоклонники любили приносить богамъ въ день какого либо великаго праздника въ честь ихъ. Вотъ изъ храмовъ безчисленная толпа бѣжитъ въ амфитеатръ, чтобы тамъ провести остальное время праздника. Всѣ мѣста заняты, въ первыхъ рядахъ—ниже мѣста, оставленнаго для императоровъ, сидѣли верховный жрецъ Сатурна и робкая весталка, чтобъ ничего не просмотрѣть въ зрѣлищѣ, которое доставляетъ радость богамъ, и ихъ почитателямъ.

Скоро поданъ былъ знакъ. Съ страшнымъ скрипомъ отворились желѣзныя двери; между двумя рядами гладіаторовъ выходили мужчины въ красной одеждѣ, подобно жрецамъ Сатурна, и женщины шли съ повязанною головою, какъ жрицы Цереры: это,—умилостивительныя жертвы: ничего у нихъ не доставало въ сравненіи съ обыкновенными жертвами. Это мученики, которыхъ силою хотѣли заставить принять идолопоклонство. По среди арены, они остановились; ихъ лице выражаетъ тихую радость; вдругъ дикій крикъ потрясъ амфитеатръ: «христіанъ-львамъ!» И эти человѣческіе крики слились съ ревомъ звѣрей. Устремивъ неподвижный взоръ къ небу, мученики не издавали ни жалобы, ни вздоха; они не умоляли ни о помилованіи, ни о снисхожденіи; они умирали не такъ какъ гладіаторы;

ихъ души уже прежде соединились съ Богомъ: на окровавленномъ пескѣ лежали трупы; за которые спорили съ звѣрями приставники ихъ. Безтрепетно стояли у дверей христіане, цѣною золота желая купить дорогіе останки.

Если бы, при видѣ этихъ жертвъ римскаго фанатизма, какой нибудь чужеземецъ, проникнувшись состраданіемъ, спросилъ: для чего совершаются эти бесполезныя кровопролитія? толпа отвѣтила бы: эти мужчины—несчастные приверженцы нечестивой секты; они чуждаются храмовъ, любятъ мракъ, собираются вмѣстѣ въ извѣстные дни для совершенія ужасныхъ таинствъ; проповѣдуютъ общеніе имуществъ, разрушаютъ основанія собственности и нравственности.

Но множество обвинительныхъ голосовъ не могло, однако же, подавить въ этомъ чужеземцѣ мыслей, подобныхъ слѣдующимъ: «странно, что эти люди, которыхъ считаютъ злодѣями, умираютъ, какъ герои; преступленію чужда эта твердость; безнравственные люди (какими мнѣ изображали ихъ) вмѣсто того, чтобы искать смерти, которая разлучаетъ ихъ съ любимыми предметами, должны были бы дорожить жизнію, должны были бы укрываться отъ правосудія, между тѣмъ какъ эти отдаются сами въ руки его и съ радостію стремятся на смерть. Они непремѣнно имѣютъ живую въ высшей степени надежду на полученіе благъ, большихъ тѣхъ, которыя теряютъ. Тутъ не можетъ имѣть мѣста желаніе пустой славы. Она въ соединеніи съ патриотизмомъ могла одушевлять Кодровъ и Деціевъ (¹): но это,—по большей части люди простые, слабыя женщины, дѣти и старики: откуда у нихъ эта сила укрѣпляющая ихъ среди ужасныхъ мученій? Философія, какъ и патриотизмъ лишь изрѣдка могла производить въ людяхъ такое мужество, а здѣсь оно—явленіе всеобщее;

(¹) Кодръ,—царь Авинскій и Децій Мусъ,—Римскій полководецъ пожертвовали своею жизнію для спасенія отечества.

здѣсь самоотверженіе встрѣчается на каждомъ шагу: нѣтъ не стануть жертвовать жизнію ради неизвѣстной награды,— въ этомъ мнѣ свидѣтели сіи добровольные мученики». И странникъ, волнуемый этими мыслями, поспѣшно оставляетъ слѣпую толпу.

А на завтра онъ отыскиваетъ убѣжище нѣкоторыхъ пастырей римской церкви и пришедши къ нимъ, такъ говорить: «я поочередно былъ ученикомъ всѣхъ философскихъ школъ, но ни одна изъ нихъ, сколько знаю, не могла образовать учениковъ, готовыхъ страдать и умереть за свои убѣжденія: христіанская вѣра поставила меня въ недоумѣніе; она еще прекраснѣе въ ея мученической одеждѣ»,—и философъ, который блисталъ, можетъ быть въ портикѣ или въ академіи (1), садился наряду съ смиренными оглашенными на скамьѣ христіанской школы, ожидая чести быть приобщеннымъ чрезъ крещеніе къ обществу вѣрныхъ.

Потомъ въ извѣстный день (это было обыкновенно наканунѣ какого либо великаго праздника) онъ приходилъ въ то мѣсто, гдѣ совершался обрядъ присоединенія къ обществу христіанъ. Это было въ глубинѣ катакомбъ, подъ землю, на которой стоялъ негостепріимный для нихъ городъ. Введенный однимъ изъ числа вѣрныхъ, который ручался за искренность его расположенія, онъ слышалъ слѣдующія обращенные къ нему слова епископа: «чего ты ищешь въ церкви божіей?—вѣры—А что даетъ вѣра?—жизнь вѣчную. Возвышая голосъ епискомъ продолжалъ: «если хочешь войти въ эту жизнь, соблюди заповѣди»! Этотъ разговоръ прерывался обрядами, выражавшими обновленіе внутренняго челоуѣка и освященіе всѣхъ его чувствъ для духовной жизни; потомъ, принимая болѣе торжественный тонъ, разговоръ оканчивался слѣдующими словами: «отри-

(1) Портикъ—зданіе, въ которомъ училъ Зенонъ, основатель стоической философской школы. Академія—мѣсто близъ Аѳинъ, гдѣ училъ Платонъ.

цаешься ли сатаны, и гордыни его и дѣлъ его?— «Отрицаюсь!» отвѣчалъ будущій христіанинъ твердымъ голосомъ; и онъ зналъ, что отречься значило для него—оставить язычество въ которомъ родился, отказаться отъ его нравовъ, привычекъ, обязанностей, почестей; значило,—отвергнуть все то, что называютъ общественнымъ благоприличіемъ и сдѣлать первый шагъ на поприщѣ мученика. И вотъ епископъ погружаетъ троекратно его въ таинственную воду крещенія при призваніи св. Троицы, какъ будто отверзается теперь небо надъ его головою; ангелы вписываютъ его имя въ книгу жизни, Богъ указываетъ ему мѣсто въ небесной обители: онъ очутился среди вѣрныхъ, облаченный въ бѣлую одежду—символь его нравственной чистоты, и епископъ говорилъ ему: «потщись сохранить ее до тѣхъ поръ пока предстанешь предъ лице верховнаго судіи!» потомъ новокрещенный вкушалъ молоко и медъ,— другой символъ его духовнаго возрожденія; ему нарекали новое имя, которое носилъ на землѣ его небесный защитникъ. И можно ли подумать, чтобы послѣ столь глубоко—поучительныхъ дѣйствій, какими сопровождалось принятіе его въ общество вѣрныхъ, онъ захотѣлъ возвратиться опять къ сатанѣ, его гордынѣ и его дѣламъ?.... Крещеніе было въ то время добровольнымъ обѣтомъ воина наканунѣ битвы.

Не думайте, впрочемъ, чтобы желаніе вознаградить постоянную потерю прежнихъ членовъ новыми побуждало христіанскую вѣру принимать всякаго, кто захотѣлъ бы стать подъ ея знамя, безъ предварительнаго строгаго испытанія. Она, дѣйствуя со всею осторожностію, отвергала новопришедшаго, какъ скоро сомнѣвалась въ его искренности или постоянствѣ.

Въ эту дивную эпоху люди не были по рожденію христіанами, они дѣлались такими по горячему убѣжденію. Въ новое общество переходили лучшіе люди древняго міра. Философія, считавшая себя хранительницею всѣхъ истинъ,

необходимыхъ для человѣчества, сначала не думала, чтобы христіанская вѣра, принятая прежде всего бѣднымъ классомъ, могла когда либо обратить на себя вниманіе образованныхъ людей; потомъ, съ великимъ изумленіемъ встрѣтивъ ее между знатными, она рѣшилась подорвать ея божественное происхожденіе; но, не смѣя вовсе отрицать чудесъ въ виду величайшаго чуда,—распространенія Евангелія среди столькихъ препятствій, она рѣшилась унизить ихъ, противопоставивъ имъ лживыя чудеса магіи. Встрѣтивъ мужественный отпоръ въ христіанскихъ апологіяхъ, запечатлѣнныхъ кровію мучениковъ, она сосредоточила свои силы въ Александріи, которая сдѣлалась великимъ центромъ просвѣщенія съ тѣхъ поръ, какъ Птоломеи собрали здѣсь ученые сокровища всѣхъ образованныхъ націй. Вотъ она дѣятельно основываетъ школу, съ усиленною энергіею собираетъ преданія, выбираетъ лучшее изъ нихъ, проникаетъ даже въ отдаленную Индію,—эту древнюю колыбель религій древней Азіи,—думая тамъ найти формы первоначальной религіи, и старается облечь идолопоклонство покровомъ аллегорій.

Въ свою очередь развращенное древнее общество, которое почитало христіанское общество мятежнымъ и думало затопить его въ крови, еще разъ сдѣлало напряженное усиліе и устремилось на него,—непримиримаго врага своихъ гражданскихъ и религіозныхъ учреждений. Гоненіе, терзавшее послѣ Нерона въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ христіанское общество по частямъ, на этотъ разъ воздвигнуто было во всѣхъ концахъ имперіи и въ одно и тоже время. Послѣдній день 303 года сочли болѣе удобнымъ и приличнымъ для истребленія христіанской религіи. Этотъ день посвященъ богу Термину, говоритъ верховный жрецъ Юпитера Діоклетіану и кесарямъ, его помощникамъ. Слѣдуя своему обычаю, идолопоклонство поклялось принести

на этотъ разъ богамъ достойную гекатомбу ⁽¹⁾. Безумная клятва! ея исполненіе, если бы она осуществилась, уничтожило бы двѣ трети народоселенія имперіи—и тогда эта имперія сдѣлалась бы добычею варваровъ; поклонники Одина ⁽²⁾ не увидѣли бы креста, предъ которымъ они должны преклонить колѣна, креста, который скоро обратилъ къ себѣ одного изъ преемниковъ могущества Діоклитіанова, молодого и доблестнаго Константина.

Въ виду опасности отъ другихъ кесарей, которые не признавали его правъ на участіе въ управленіи имперіею, Константинъ размышлялъ, говоритъ Евсевій, о томъ, какъ бы одержать верхъ надъ своими соперниками, соединенными между собою одною общею связью—идолопоклонствомъ. Ему пришла мысль, продолжаетъ тотъ же историкъ, обратиться къ Богу, ненавистному для его враговъ; небу угодна была эта мысль,—и вотъ что христіанская вѣра сказала молодому цесарю: «три вѣка уже, какъ я въ постоянной борбѣ; я наполняю поля, сенатъ, дворъ, города, деревни, острова, пустыни: я вездѣ, кромѣ храмовъ; непризнанная закономъ послѣднихъ императоровъ, я побѣдила ихъ твердостію моихъ мучениковъ; если хочешь, мои послѣдователи будутъ твоими подданными; ихъ сокровища увеличатъ твое богатство,—только изобрази на твоихъ знаменахъ мой священный знакъ,—съ нимъ ты побѣдишь». И вѣра указала ему въ небесахъ этотъ знакъ, окруженный сіяніемъ; и молодой цезарь, воодушевляемый чудеснымъ видѣніемъ, съ крестомъ въ рукахъ, идетъ на завоеваніе имперіи.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Римъ привѣтствовалъ его, какъ побѣдителя соперниковъ и умиротворителя вселенной. Но Римъ, упившись кровію мучениковъ, не хочетъ простить ему того, что онъ не идетъ съ триумфомъ въ капи-

⁽¹⁾ Гекатомба—жертвоприношеніе изъ ста животныхъ одного рода.

⁽²⁾ т. е. Германцы.

толій, и не полагаетъ своихъ лавровъ на алтарь Викторіи. Преемникъ цезарей чувствовалъ это, и поспѣшилъ противопоставить городу, полному идоловъ, городъ христіанскій, который назвалъ своимъ именемъ—Константинополемъ. Послѣ этаго знаменитаго событія, оставленный Римъ озарился новымъ блескомъ лишь тогда, когда водрузилъ крестъ на своихъ семи холмахъ.

Уже по всей землѣ господствовала Вѣра Христіанская, какъ выступило на встрѣчу ей дерзкое ученіе,—ересь, стремясь оспорить ея побѣду: пресвитеръ—софистъ, ученикъ александрійской школы, Арій подвергая анализу таинственную мысль о единствѣ Бога въ трехъ лицахъ, дерзнулъ сказать: Сынъ не равенъ Отцу. Если такъ, возражала ему вѣра христіанская, то дѣло Ходатая не имѣло бы силы; если онъ не Богъ, снисшедшій до человѣка, чтобы обожить его, а мудрецъ, избранный Богомъ, то міръ разочарованный въ своихъ идолахъ, не обратился бы къ нему, какъ одному изъ мудрецовъ которые не могли дать потребной ему религіи. Чтобы возвѣстить о своей защитѣ всюду, она собрала на соборъ Никейскій сонмъ епископовъ и пресвитеровъ, большею частію страдавшихъ въ послѣднее гоненіе. Выступая противъ ереси, которую защищали привязанные къ міру епископы и придворные, она спросила у ней: были ли у нея мученики, и во имя кого цѣлыхъ три вѣка лилась чистѣйшая кровь? И поставивъ это неотразимое возраженіе, она заключила свое ученіе въ символъ—обширнѣйшій апостольскаго, символъ знаменитый, который вмѣстѣ съ торжествомъ истины и религіознаго единства надъ идолопоклонствомъ, или рабствомъ духа передъ деревомъ, или камнемъ, возвѣщаетъ и торжество надъ ересью, или необузданною свободою духа.

Величественную картину представляло тогда новое общество, въ которомъ, при единствѣ вѣры, были и одинаковые внѣшніе обряды. Старцы, еще свидѣтели борьбы,

которая кончилась для христіанской вѣры полнымъ торжествомъ, съ трудомъ могли повѣрить этому перевороту; дѣти, которымъ говорили, что она родилась вчера, не могли понять, почему ея церкви были уже столь многочисленны, какъ языческіе храмы; сами язычники, которые считали ее печальнымъ и грубымъ суевѣріемъ, съ изумленіемъ смотрѣли на ея величественныя празднества, и на ея богослуженіе, въ которомъ совмѣщено было все, что могло соединить землю съ небомъ самыми сладостными и самыми крѣпкими узами.

Какое трогательное зрѣлище представляетъ вѣра нашихъ отцевъ въ то время, когда она создала эту таинственную лѣствицу между небомъ и землею, на почвѣ недавнихъ и дорогихъ народу воспоминаній! Куда идутъ эти поселяне, которыхъ лице дышетъ святою простотою? Недавно, одинъ изъ ихъ братьевъ, подобный имъ поселянинъ, умеръ, запечатлѣвъ кровію истину ученія, которое доставляетъ имъ утѣшеніе на землѣ. Они собираются возлѣ могилы, гдѣ погребены были его драгоценныя останки исторгнутые изъ пасти лютыхъ звѣрей. Вотъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, богато украшенный скульптурными изображеніями, стоитъ на концѣ дороги: онъ построенъ на иждивеніе страны..... Толпа проходитъ мимо не останавливаясь; не сюда она стремится съ своими желаніями: наконецъ показывается могила, — предѣлъ ея благочестиваго путешествія; могилу покрываетъ простой камень съ слѣдующею надписью: *здесь покоится въ чаяніи блаженнаго воскресенія тѣло мученика Іисусъ Христовъ.*

Они преклоняютъ колѣна на травѣ; въ пламенной молитвѣ они постоянно произносятъ имя мученика. Вотъ онъ на небѣ — блаженный торжествующій, окруженный сіяніемъ, какъ одеждою, — онъ болѣе прекрасный и могущественный, нежели императоръ въ своихъ самыхъ прекрасныхъ одеждахъ, въ своей блестящей діадемѣ, и, — они

имѣють въ лицѣ его теперь въ небесныхъ обителяхъ покровителя и ходатая; ясность дня дѣлаетъ еще болѣе свѣтлыми ихъ лица; весна улыбается празднику; она развернула свои красы; солнце льетъ свои золотые лучи; въ воздухѣ не колыхнется; тихо ударяются о берегъ волны, какъ бы желая принять на свою лазоревую поверхность легко-парусное судно; трудолюбивая пчела жужжа садится на цвѣтокъ; съ пѣснью строитъ птица свое воздушное жилище: и поселяне, въ упоеніи отъ благоуханія, пѣсней и свѣта, будто слышать голосъ мученика съ высоты небесъ: «земля кажется вамъ теперь прекрасною; но, повѣрьте, моя весна еще болѣе прекрасна чѣмъ ваша; здѣсь нечего страшиться дыханія зимы, здѣсь не бываетъ ночей; Богъ—вѣчное солнце тѣхъ селеній, откуда я привѣтствую васъ, друзья мои! Идите же узкимъ путемъ добродѣтели,—и вы пріобщитесь моему блаженству». Какой высокій урокъ давала христіанская вѣра не только бѣднымъ людямъ, которыхъ жизнь была полна тяжелыхъ трудовъ и страданій, но, и еще болѣе, богатымъ и счастливымъ!

Z.

Р Ѣ Ч Ъ,

по случаю молебствія при открытіи владимірскихъ водопроводовъ, 30-го августа 1866 года.

Слава Богу сограждане!

Благая мысль о нашихъ водопроводахъ, нужда и благопотребность которыхъ давно чувствовалась въ нашемъ городѣ, и къ удобствамъ которыхъ мы уже успѣли, можно сказать, привыкнуть въ самое короткое время, — эта прекрасная мысль, къ общему нашему удовольствію, пришла къ своему концу. Благодаря этой мысли, мы значительно облегчены въ удовлетвореніи самой первой и насущной потребности нашей ежедневной матеріальной жизни. Хвала, честь и благодарность лицамъ, задумавшимъ все это дѣло, и воз-

ревновавшимъ объ общей пользѣ и удобствахъ нашего города! Но воздавши справедливую дань уваженія и благодарности блюстителямъ и ревнителямъ нашихъ земныхъ выгодъ и интересовъ, паче всего и прежде всего надо воздать славу Господу Богу, отъ котораго исходитъ и начинается всякое благое дѣло, и безъ помощи котораго ни одинъ, хотя бы самый незамѣтный и ничтожный шагъ нашего самоулучшенія—совершиться не можетъ. Такимъ образомъ, начавши дѣло устроенія нашихъ водопроводовъ съ благословенія Божія, съ молитвой и во славу Божию, мы весьма естественно и завершаемъ его теперь молитвой же и благодарственнымъ пѣніемъ къ подателю всѣхъ благъ—Господу Богу. Иначе въ православномъ народѣ и въ православномъ городѣ и не дѣлается, и не должно дѣлаться. Потому-то конечно и не удается такъ много и такъ часто по видимому самыхъ общепользныхъ и благихъ предпріятій, что задумываютъ и начинаютъ ихъ не во славу Божию, не испросивъ, такъ сказать, предварительнаго на то соизволенія Божія.

Сограждане! Сколько пріятно, столько же и нужно заявить вамъ, при настоящемъ случаѣ, отъ лица церкви православной, что она всегда готова сочувствовать и содѣйствовать всякому истинно полезному нововведенію и усовершенствованію,—все равно гдѣ бы оно ни происходило, хотя бы въ области самыхъ простыхъ и ежедневныхъ нашихъ нуждъ; что она радуется всякому новому опыту общественнаго нашего самоусовершенствованія, и призываетъ на него благословеніе небесное. Это вы и видите и слышите въ настоящія минуты въ церковныхъ молитвословіяхъ. Прискорбно встрѣчать людей (а нынѣ они умножились), которые въ ожесточенной и бессмысленной злобѣ противъ церкви православной, не имѣя сказать

прямо противъ нея что нибудь заслуживающее вниманія, прибѣгаютъ къ хитрымъ уловкамъ, или просто къ клеветамъ. Зная, напримѣръ, по наслыжкѣ, что святая церковь указываетъ постоянно на небо, какъ на главную и послѣднюю цѣль человѣческихъ стремленій, они дерзко укоряютъ ее въ односторонности, съ торжествомъ указываютъ на плодотворность многихъ общественныхъ предприятий и гражданскихъ улучшеній, и въ пышныхъ фразахъ распространяются о великомъ нравственномъ значеніи всего этого для человѣка. Если подобные поверхностные и предубѣжденные люди воображаютъ, что они дѣлаютъ дѣло, и если они полагаютъ, что святая вѣра и церковь Христова отрицаетъ будтобы нравственное значеніе правильно благоустроеннаго гражданства для людей живущихъ въ обществѣ; то пусть они знаютъ, что они слѣпотствуютъ и юродствуютъ въ этомъ дѣлѣ. Здѣсь не время и не мѣсто для подробныхъ разсужденій объ отношеніи успѣховъ гражданственности къ нравственному совершенствованію обществъ. Достаточно, если мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, которое впрочемъ будетъ весьма удовлетворительно для всякаго здраваго и непредубѣжденнаго смысла. Какъ вѣрно то, что всякій новый успѣхъ гражданскаго самоулучшенія можетъ облегчать и расширять способы нравственнаго самоулучшенія для общества,—потому-то конечно святая церковь и ниспосылаетъ свое благословеніе на всякій таковой успѣхъ,—такъ съ другой стороны несомнѣнно и то, что между тѣми и другими успѣхами, между успѣхами гражданственности и нравственно религиозными успѣхами обществъ не существуетъ необходимой связи, т. е. можетъ случиться, какъ и дѣйствительно бываетъ, что быстро успѣвая на пути гражданскаго самоулучшенія, мы можемъ стоять, или идти назадъ въ

нравственномъ отношеніи. Вотъ почему опять святая церковь никогда не опускаетъ случая предостеречь насъ и внушать намъ, чтобы всѣ свои матеріальныя и гражданскія улучшенія мы направляли къ одной главной и истинно достойной христіанскихъ обществъ цѣли, — къ нравственному совершенству, къ воплощенію на землѣ тѣхъ великихъ истинъ, которыя принесъ намъ съ неба Господь Иисусъ Христосъ.

Вотъ и при настоящемъ случаѣ мы, какъ служители церкви и истолкователи ея духа, чувствуемъ надобность напомнить вамъ, сограждане, о тѣхъ многихъ неправильностяхъ и уклоненіяхъ отъ нравственного закона, которыя встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, и прекращать и устранять которыя обязано прежде всего само же общество, — особенно въ настоящее время, когда земству дано столько простора и самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Намъ думается теперь, по случаю открытія нашихъ водопроводовъ, что — вотъ еслибы наше владимірское общество, похвально заботясь о матеріальномъ своемъ благосостояніи, съ благородной энергіей и съ христіанскою любовію устрѣмилось на подвиги своего нравственного улучшения! Занялось бы на примѣръ пріисканіемъ мѣръ къ уничтоженію праздношатательства и нищенства, къ истребленію пьянства, — этихъ главныхъ источниковъ порока и разврата, — особенно въ низшихъ общественныхъ слояхъ нашихъ; озаботилось бы распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія, облегченіемъ средствъ къ нему для возможно большаго числа гражданъ и проч. и проч....

Не вдругъ конечно все это можетъ сдѣлаться, а лишь постепенно, при неослабомъ и дружномъ содѣйствіи всѣхъ сословій; но во всякомъ случаѣ не неумѣстно въ настоящія минуты пожелать по крайней мѣрѣ того, чтобы

въ насъ жило и укрѣплялось искреннее желаніе и стремленіе созидать свою общественную жизнь на нравственно-религіозныхъ началахъ; чтобы въ нашемъ древнемъ и богатомъ православною святынею городѣ Владимірѣ не исчезалъ, а умножался и возрасталъ тотъ духъ глубокаго христіанскаго благочестія, которымъ отличались наши православные предки; чтобъ защитилъ насъ Господь отъ современныхъ тлетворныхъ идей, при которыхъ хотя и возможно быть можетъ видимое и временное матеріальное улучшеніе обществъ, но за то истинно здравая и правильная жизнь общественная невозможна. Да поможетъ намъ Господь Богъ исполнить въ семъ отношеніи задушевную мысль и желаніе нашего доблестнаго, православнѣйшаго и тезоиминитаго нынѣ Государя Императора Александра Николаевича, который путемъ плодотворныхъ гражданскихъ реформъ и матеріальныхъ улучшеній хочетъ пробудить нашъ народный духъ и поднять его на религіозно-православную высоту!

Свящ. Михаилъ Херасковъ.

Пріѣздъ и встрѣча Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго.

6-го числа сего Сентября прибылъ во Владиміръ, къ своей паствѣ Архипастырь нашъ, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній. Съ 10 часовъ утра стали собираться граждане и духовенство для встрѣчи своего Архипастыря у знаменитыхъ древностію золотыхъ воротъ, — такъ какъ встрѣча Его Высокопреосвященства сначала предполагалась у Николо-златовратской церкви. Но чрезъ

о. Благочиннаго и Протоіерея Каедральнаго Собора Ѡ. М. Надеждина, встрѣчавшаго Владыку еще загородомъ, Его Высокопреосвященство даль знать, что Онъ намѣренъ пріѣхать прямо въ нашъ древній Соборъ, богатый памятію и святынею св. Князей и Святителей русскихъ. Погода вполне благопріятствовала торжеству встрѣчи, такъ что до самаго пріѣзда Архипастыря не только не уменьшалось, но постоянно увеличивалось число желавшихъ встрѣтить Его и принять первое благословеніе. Около четырехъ часовъ, звонъ въ церквахъ, мимо которыхъ лежалъ путь Владыки къ Собору и затѣмъ — звонъ соборный возвѣстили всѣмъ прибытіе Владыки въ городъ, а въ четыре часа встрѣчаемый и сопровождаемый въ собственномъ смыслѣ множествомъ народа, Владыка въ мантии и съ жезломъ вступилъ въ Соборъ, гдѣ встрѣтило Его все Владимірское духовенство, предшествуемое о. Ректоромъ Семинаріи, Архимандритомъ Алексіемъ. Во время входной: «Достойно есть» Высокопреосвященный Архипастырь приложился ко Владимірской иконѣ Божіей матери и св. мощамъ Благовѣрныхъ Владимірскихъ Князей а послѣ обычной литіи возглашено было многолѣтіе Государю Императору, всему Царствующему Дому, св. Синоду, новоприбывшему Архипастырю, владимірской паствѣ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. По окончаніи цѣлованія св. креста Архипастырь обратился къ своей новой паствѣ съ привѣтствіемъ, въ которомъ, сколько мы слышали, среди сильнаго движенія народа къ Архипастырю, высказалъ свою духовную радость о благочестіи издревне славнаго города Владиміра, свою признательность за оказанную ему радушную встрѣчу и надежду на то, что, по благодати Божіей, въ союзѣ мира, владимірская паства дастъ Ему удобства послужить ей такъ, чтобы предстать предъ

Господомъ и Судією и Ему и паствѣ правыми и не порочными.

Не смотря на утомленіе отъ продолжительнаго пути, Владыка съ полною терпѣливостію, выходя изъ Собора преподавалъ благословеніе всѣмъ и каждому и уже въ 6-мъ часу прибылъ въ свой Архіерейскій Домъ, гдѣ Его ожидала новая встрѣча монашествующей братаіи, и новое множество собравшагося народа. Принявъ и здѣсь, въ недавно устроенной Преосвященнѣйшимъ Теофаномъ великолѣпной церкви, обычную церковную встрѣчу, Архипастырь вступилъ въ свои келіи, въ которыхъ ожидали Его начальствующіе и учащіе въ Семинаріи, члены Консистеріи и все градское дѣховенство. Почти каждого изъ представлявшихся Владыка распросилъ о мѣстѣ и родѣ службы, высказалъ, что Онъ, какъ бывшій нѣкогда (*) сосѣдъ г. Владиміра, знаетъ Владиміръ и благословивъ всѣхъ остался въ своихъ комнатахъ.

7-го Числа Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь вступилъ въ управленіе ввѣренною Ему епархією, и 8-го числа, въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы, при многочисленномъ собраніи народа, служилъ первую литургію въ Рождественскомъ монастырѣ, послѣ которой произнесъ привѣтственное слово.

Кончина преосвященнаго Филарета, Архіепископа Черниговскаго.

Русская церковь и русская богословско-историческая наука понесли тяжкую утрату. Въ прошедшій вторникъ,

(*) Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь нашъ до 1861 года управлялъ Нижегородскою паствою.

9 августа, скончался въ г. Конотопѣ, во время обозрѣнія своей епархіи, преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Личность покойнаго іерарха рѣзко выдавалась изъ окружавшей его сферы. Во первыхъ, это былъ человекъ добра и глубокаго христіанина по убѣжденію и чувству. Это видно и изъ многочисленныхъ его сочиненій, и изъ извѣстій, помѣщавшихся въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ, и изъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ нами отъ лицъ, знавшихъ покойнаго. Говорятъ, что въ паствѣ своей онъ пользовался большою популярностью и былъ любимъ и уважаемъ всѣми.

Преосвященный Филаретъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ начальниковъ епархій, и думаемъ, что управленіе его оставитъ надолго память въ черниговскомъ духовенствѣ. Наиболѣе крупный фактъ его семилѣтняго управленія епархіею заключается въ улучшеніи положенія мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ, на этотъ предметъ отчисленъ здѣсь извѣстный процентъ съ различныхъ церковныхъ суммъ—кошелевковой, оброчной, процентной и свѣчной; но это отчисленіе вовсе не имѣетъ характера принудительнаго. Въ пропорціяхъ взноса дозволено дѣлать измѣненія, собразно со средствами церквей, и уравнивать взносъ между церквами для пополненія недостатка однихъ избытками другихъ. Преосвященный Филаретъ дѣятельно занимался также вопросомъ объ улучшеніи быта черниговскаго духовенства и заботился о поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня.

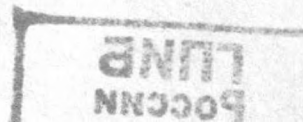
Преосвященный Филаретъ былъ замѣчательнѣйшимъ богословомъ и историкомъ православной церкви. Его ученые труды пользуются громкою и вполне заслуженною извѣстностью. Его «Догматическое Богословіе» отличается

сколько огромной эрудиціей автора, столько глубокимъ философскимъ анализомъ. При ясности изложенія и строгой соразмѣрности всѣхъ частей сочиненія, система его носитъ на себѣ характеръ вполне научной стройности и логической послѣдовательности въ развитіи входящихъ въ нее богословско-философскихъ положеній.

Другое важное произведеніе покойнаго преосвященнаго составляетъ «Исторія Русской Церкви». Это произведеніе, обнаруживающее въ авторѣ обширное знакомство съ историческими памятниками нашего отечества было *первымъ* опытомъ въ своемъ родѣ. Въ настоящее время исторія преосвященнаго Филарета остается единственнымъ цѣльнымъ трудомъ въ этомъ родѣ и пополняетъ собою важный пробѣлъ въ нашей церковно-исторической наукѣ. Предпринятая въ послѣдствіи, болѣе обширная исторія русской церкви преосвященнаго Макарія харьковскаго далеко не доведена до конца.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ главныхъ произведеній преосвященнаго Филарета, имъ изданы еще слѣдующія сочиненія:

- 1) Слова и Бесѣды, въ 4 частяхъ.
- 2) Лугъ духовный, блаженнаго Іоанна Мосха.
- 3) Бесѣды о страданіяхъ Спасителя, въ 2 частяхъ.
- 4) Описаніе харьковской епархіи, въ 5 отдѣленіяхъ.
- 5) Обзоръ русской духовной литературы, въ 2 отдѣленіяхъ.
- 6) Черниговъ, историко-статистическое описаніе.
- 7) Опытъ объясненія на посланіе апостола Павла къ Галатамъ.
- 8) Историческое учѣніе объ отцахъ церкви, въ 3 частяхъ, сочиненіе обширное и обличающее въ авторѣ глубокую эрудицію и полное знакомства съ многочислен-

ными историческими памятниками христіанской древности.

9) Тоже сочиненіе въ сокращеніи.

10) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви.

11) Русскіе святые, за круглый годъ.

12) Святые южныхъ славянъ, въ 2 частяхъ, за круглый годъ.

13) Святая подвижница восточной церкви, — сочиненіе, котораго покойный успѣлъ выдать только два листа.

(изъ *Совр. Листка* № 66).

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Часть официальная: Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Извѣстія. Объявленіе.

Часть неофициальная: Отвѣты на вопросы Св. Анастасія Синаита. Слово Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія. Торжество христіанства. Рѣчь при открытіи водопровода. Пріѣздъ и встрѣча Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія. Кончина преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго.

Редакторы: Священникъ *А. Сервицкій*, *К. Надеждинъ*.

Дозволено цензурою, сентября 14 дня 1866. года.

ГУВ. Г. ВЛАДИМИРЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРОВСКАГО.